

Ну зачем мне это нужно? Здесь, в Израиле? Вроде устроился с работой, купил машину. И еврей настоящий. И уехать хотел. И ведь уехал. Уехал. А забыть не могу.

КОМИ-АФРИКА

ПОВЕСТЬ

1

В мятых штанах, с улыбкой на всю физиономию, засунув руки в карманы какой-то короткой, непонятного цвета куртки, один рыжий Мишка шел получать подъемные. Вообще, рыжим везло всегда. А этот уж совсем хитрым был. Услышав перед распределением, что если поехать на Север, то там без денег выдадут дубленку, вызвался на работу в Коми АССР, и теперь, довольный своим умением устраиваться, шел получать – на что напросился.

В сером здании на Литейном, в кабинете, где за окном виднелось небо с проводами от троллейбусов, сидел майор. В новой форме.

– А дубленку дадут? – еще раз решил проверить Рыжий.

– Приедете на место, там и дадут, – сухо ответил воин. И ткнул пальцем в бумагу: – А пока распишитесь в получении, молодой человек.

И вот прошло лето. И пришел поезд. И Мишка, имея в кармане только что полученный диплом, а на шее красивый галстук, надетый, чтобы создать о себе хорошее впечатление, слез с этого поезда в одном северном так себе городишке, в котором уже дул холодный ветер, обещавший зиму. Поправил галстук и огляделся: кроме него на перроне стояло серое помятое здание вокзала, уборная «МЖ» да понатыканые в асфальтные дырки худые деревья, со злостью выставившие кривые потрепанные ветви навстречу ветру. Будущий работник вздохнул, поднял чемодан и пошел. В отличие от вокзала и деревьев, своего места в коллективе он еще не занял.

А шел молодой специалист искать общежитие, потому что именно там рассчитывал найти своего институтского друга, как и он сам, распределенного работать в этот маленький город. Город... на краю бесконечного леса и болот.

Когда открыл дверь, Андрей лежал на кровати и курил. Увидев знакомую физиономию, вместо приветствия спросил:

– Оформился?

– Нет еще, – удивился Мишка, – только приехал ведь.

– Тогда уезжай, и быстро. Совет даю.

– Да брось ты, – ответил с обидой. – Вечно у тебя какие-то фокусы... Куда ехать, раз уже приехал?

– Ну, если не хочешь, – Андрей бодро встал. – Беги в штаб, они там еще работают, а я пойду в магазин водку куплю, отметим.

– Слушай, – Мишка замялся. – Скажи, а тебе дубленку дали?

– Ой, хватит... Хочешь, подай заявление в МВД, и двадцать пять лет будешь носить и дубленку, и погоны в придачу.

– Нет, не хочу, – сказал Рыжий.

И побежал в штаб. Штаб находился неподалеку и радовал глаз надежностью постройки. При наличии героев в нем можно было держать круговую оборону. Хотя надо отметить, здание было все-таки меньше, чем на Литейном. В отделе кадров Мишку записали во все необходимые бумаги и выдали пропуск с красной обложкой и золотым тиснением «МВД». Дубленку он уже не спросил. А может, надо было? Носил бы – и холода не знал. Все могло быть обосновано, а так, чего, спроси, приехал...

– Распишитесь, – показал пальцем офицер.

– За что?

– Не разглашать. Пять лет.

– Пять так пять.

Подписал и пошел обратно в общежитие. Пока Мишка оформлялся, Андрей развил бурную деятельность. Венцом ее стала застеленная кровать да на столе бутылка, консервы и хлеб.

– Ну, – сказал, когда сели. – С приездом!

И разлил горячее по стаканам.

Чокнулись. Выпили.

– А почему хлеб черствый? – спросил набитым рыбными консервами ртом Мишка.

– Ты что, сюда жрать приехал? За три тысячи километров? – возмутился друг.

– Работать.

– Ну, это от нас не уйдет.

А утром Андрей повел Мишку представляться. Так как оба молодых специалиста закончили санитарный факультет мединститута, их начальник, естественно, находился в местной санэпидстанции.

Когда вошли внутрь – там было чисто, уютно. Стучала пишущая машинка, и кто-то диктовал текст. Главный врач СЭС МВД, крупный мужик с красной физиономией, сидел в отдельном кабинете, распространяя в замкнутом пространстве запах перегара.

– А сейчас выступит начальник транспортного цеха, – тихо сказал Андрей и уставился в потолок.

– Значит, приехал все-таки, – медленно начал сидящий за столом. – Должен был к первому августа, а сегодня уже третье сентября, неплохое начало.

Налил себе из графина. Выпил. Посмотрел исподлобья.

– Расхолаживаться не дам. Тут тебе не по Ленинграду рассекать. Здесь работа серьезная. Поедешь в Можский, у меня мест нет. – Не удержался и опять налил из графина. – Все. Идите.

– Вот сука, – разозлился Андрей. – Специально сделал. Я здесь, а тебя выпер.

– Да ладно... А где это – Можский?

– Отсюда примерно километров шестьдесят на север.

– Ну-ну.

Они еще чуть покрутились в санэпидстанции, потом пошли в столовую, в магазин и вернулись в общежитие. Мишка лег на кровать, а Андрей сел у окна и закурил.

На улице пошел дождь, серый, холодный, в комнате потемнело, за дверями смеялись и разговаривали. Оба молчали. Андрей докурил, взял гитару, проверил звучание и тихо-тихо начал:

И вот наконец-то дождливый сентябрь,
И вот наконец-то прохладная осень,

И тучи поникли густыми сетями,
И кончился месяц под номером восемь.

Пустой с утра, немытый внутри, поезд ушел в семь сорок пять. Не сильно радуюсь работе. Дорога была муторная. Через каждые полчаса приходилось останавливаться, впускать одних, выпускать других. И все морды знакомые, приевшиеся. Ездят и ездят, пытаются окна открыть, ноги расставляют. О! Новенькие есть – на свиданку, что ли?

В отделении у самого тамбура сидели Мишка, толстая курящая девушка с большими ресницами и старичок. После первых слов выяснилось, что все они едут в одно и то же место, и едут в первый раз. Мишка, человек непонимающий, конечно, подергал окно. Так, на пробу – не открылось.

– От сглаза закрыли, – сказал и посмотрел на курящую девушку.

Девушка хихикнула.

– А меня Мишей зовут, – представился.

– А я Лена.

– Алексей Сидорович, – влез старичок. – Может, в шахматишки сыграем?

Мишка открыл рот, но сообщить что-либо не успел.

– Ваши документы? – четыре человека с цепкими глазами. Руки в карманах. Проверяют.

– Патруль, – сказал старичок. – Мне это знакомо – работал в таких местах. Так как насчет шахматишек, молодой человек?

– Нет, – отказался Мишка. – Я не в форме.

И повернулся к Лене.

Добрались через полтора часа. Маленькая станция: перрон, какие-то заборы, рядом несколько домов – и все. Там, где обрывается перрон, – загон из колючей проволоки, автоматчики, собаки. Из вагона с зарешеченными окнами, его раньше Мишка не увидел, прыгивают на землю люди в черном и под крики конвоя становятся в колонну.

– Ваши документы? – опять патруль.

Посмотрели. Отдали обратно.

– А где же поселок? – спросил у них Алексей Сидорович.

– Если есть попутка, то по бетонке три с половиной километра, а идти прямую – всего полтора. Во-он там, где трап.

Хорошо, пошли по трапу. Через лес. Доски скрипели и прогибались, кое-где трап был сломан и приходилось прыгать. В лесу пахло осенью, грибами. И пригревало северное солнце.

– Трап какой-то идиотский, – сказал Мишка. – Зачем он нужен?

– Это чтобы по болоту не ходить, – ответил Алексей Сидорович. – Я знаю. Работал в таких местах.

Центральная улица в поселке была асфальтирована. Асфальт вел от штаба мимо гостиницы и школы к магазину. А всего улиц было две. Стояли деревянные, привычные к зиме дома, около них сараи с заготовленными дровами. И от дома к дому проложенные трапы.

Ну, первым делом пошли в штаб. Сначала представился старичок:

– Малявин. Назначен на должность начальника медчасти.

– Черт возьми, – подумал Мишка. – Надо было с ним в шахматы сыграть.

– Очень рад, – сказал начальник штаба. – А то у нас все на фельдшерском уровне. Спросить не с кого.

И повторил:

– Очень рад.

Мишка протянул свои документы. Тот мельком посмотрел и кивнул. Ленка сказала, что она зубной техник.

– Итак, – подвел итоги местный бог. – Пока устраивайтесь в гостинице. По вопросам жилья – к заместителю по быту. Начальника медчасти прошу быть завтра на планерке в восемь ноль-ноль. У меня все.

В гостинице жили командированные, телевизор и шум без конца открываемых дверей.

Телевизор жил в холле, командированные в комнатах, шум – везде, где командированные. По вечерам, в девятнадцать тридцать телевизор показывал фильм «Место встречи изменить нельзя». Офицеры, те, кто не совсем пьян, выходили из комнат и шли в гости к телевизору. Вместе с ними кино смотрели два уголовника – прислуга гостиницы (вместо шоколадных негров с белыми зубами). И надо отметить: и гости, и прислуга – все болели за советскую милицию.

Ну, а в первый же день работы Сидорович и Мишка вместе отправились туда, где жили люди в черном. Пошли утром по скользкому, еще мокрому от росы трапу, от поселка прямо на юг. И вот – огороженное колючей проволокой и вышками пространство, четырехугольник для жизни.

Один ряд проволоки, второй ряд проволоки, а между ними медленной вонючей рекой текут стоки уборных.

Нажали кнопку звонка на входе, и открылась дверь, потом коридор, окошко, куда суешь новенькое удостоверение и, наконец, комната с прапорами – личный досмотр. В самой зоне пусто – все на работе. Бараки стоят, в бараках дежурные – шныри. Между бараками светлый воздух и подметено. Тут же административное здание в два этажа, кухня, медчасть, баня с прачечной, клуб. И хватит.

В медчасти у входа встречает санитар. Бритый, здоровый. Бегаёт вокруг. Юлит. Потом слышен его мат в коридоре – устанавливает очередь.

– Ну, начинаем, – бодро говорит Сидорович и надевает приготовленный для него белый накрахмаленный халат.

2

Самая лучшая машина на свете, даже лучше «жигулей» и «феррари», – МАЗ с прицепом. Забираешься вверх и плывешь над землей, глотаешь километры, как судьбу. Крошечные люди машут руками, просят остановиться, подвезти. И уже почти неважно, что ты всего лишь пойманный уголовник, отпущенный за послушание на поселение, грязный, обросший, пропахший потом, со всеми своими потрохами отданный в подчинение начальнику отряда, рязанскому мужику с такими же повадками, как у тебя. Мужику... с тяжелыми кулаками и крошечными звездочками на погонах.

Ну а кроме МАЗов есть еще школьный автобус. В нем возвращались из школы дети поселенцев, которым было разрешено жить с семьей. Вел автобус грузин-убийца. Был он толстый, с добродушным, немного плаксивым лицом. Мишка часто слышал его рассказ, точнее, не рассказ, а без конца повторяемую одну и ту же фразу: «Ну, зачем он вернулся... Ну, зачем он вернулся... Ведь не хотел я...»

А хозяйкой поселения была Анна Ильинична. Конечно, официальным заместителем по режиму являлся Шмоняк. Но Шмоняк был уже не первым, назначенным на эту должность. И наверняка не последним. А Анна Ильинична была всегда.

Со Шмоняком санитарный врач познакомился сразу, когда добрался в это место, – всегда надо представляться начальству, чтобы оно потом не возмущалось. Шмоняк сунул жесткую ладонь и, не дослушав, круто развернулся, поднял воротник шинели от ветра и зашагал к строю новоприбывших объяснять правила. Потом Мишка увидел, как он, короткий, широкоплечий, прямым ударом в лицо сбивает с ног одного из них, чтобы, видимо, тот быстрее понял, что поселение это тоже зона.

А Анна Ильинична официально числилась всего лишь заведующей столовой.

– Я новый санитарный врач, – сказал Мишка, появившись там. – Хочу проверить соблюдение приказа по профилактике желудочно-кишечных заболеваний.

Анна Ильинична улыбнулась:

– Приятно познакомиться, уже слышана о вас. Может, для начала снимете пробу пищи, доктор?

Доктор немножко подумал: «Да плевать, все чище будет», – решил.

– Ладно.

– Тогда прошу вас сюда.

И пошла вперед, показывая дорогу.

Стол был в форме дубового листа, инкрустированного в осенний полированный пейзаж. На стенах висели картины, в картинах плескалось и шумело море. А окно на бараки было занавешено, чтоб не отвлекаться на факты.

– Ничего себе, – удивился санитарный врач.

И сел. Анна Ильинична села рядом.

– Это обеденный зал для офицеров. Вы даже не представляете, сколько труда... сколько труда... Руками, – показала, – буквально этими руками все сдвинула с места.

Появился бритый с подносом: чешское пиво, селедочка, борщик со сметаной, жареное мясо, горчица.

– Даже заместитель по режиму, Филипп Аркадьевич, – сказала хозяйка, – уж на что человек серьезный, ответственный – и тот хвалит нашу еду.

– Но чтоб на Севере было пиво?! – подумал проверяющий.

Когда, наконец, вышли в самую столовую – там, конечно, было прибрано. Единственное, вьедливый доктор вдруг нашел и показал липкие до безобразия вилки на раздаче. Анна Ильинична покраснела. Тучное, с бородавками лицо затряслось, как в лихорадке, и она, обернувшись к бритому, вдруг завизжала тонким, пронзительным, прыгающим голосом:

– Ну, ты, сука, мразь! Да я тебя за что кормлю! Кто здесь работает!

И схватив вилки, размашисто бросила их ему в физиономию.

– Эй, Хвост, – заорал, закрываясь, бритый, – эй, Хвост, а ну сюда быстро, быстро, сказал!..

– Ладно, ладно, – побледнев, торопливо проговорил Мишка. – Сегодня первый раз, я ничего не напишу.

– Спасибо, – Анна Ильинична тяжело дышала. – Сердце болит, просто сердце болит от этих гадов. Стараешься-стараешься, и вдруг какая-то именно-таки мелочь выводит из равновесия...

Из начальников отрядов в поселении Мишке нравился старший лейтенант Анохин. Был он крупный, с зычным голосом. В кабинете у Анохина стояла тяжелая самодельная штанга, которую Мишка и поднять бы, наверное, не смог. А нравился этот человек ему тем, что честно выполнял свою работу.

– Ты представляешь, – гремел Анохин. – Вчера приходит ко мне жулик, старик такой незаметный, дерьмо возит. «Начальник, – просит, – подай бумагу на досрочное, десять лет уже тяну на этой командировке, ни одной жалобы...» А за что сел, – спрашиваю. «Да так, ерунда». Ладно, смотрю в папку... Ах, мать твою, ерунда – двух дочерей своих изнасиловал, мерзавец! Вызвал и свернул рожу набок. Да ты, – говорю, – и сгниешь у меня тут в дерьме. Досрочное захотел! Дня не дам!

Анну Ильиничну он не переваривал органически.

– Жрать туда не хожу и тебе не советую, – проорал своим громкоговорителем. – Дорого потом обойдется. Ты вместо вилок в котлы загляни – эта сволочь мужиков гнильем кормит, потом полбарака из уборной не вылазит. А недавно выдумала в

счет зарплаты талоны давать на обед. Мол, если мужик пропьет, талоны есть и всегда сыт. Со стороны кажется правильно. Но ведь минимум треть поселения в лесу, домой не приходят месяцами. А деньги от них за талоны уже получены и поделены. В-ворюга!

По плану политчасти каждый вечер в субботу, в зоне, в бараке номер шесть Мишка читал политинформацию. Это было не очень приятно. Стол, сверху тусклая желтая лампочка, полуголые татуированные люди с угрюмо-враждебными лицами, сбоку жарит печка, а с двухъярусных кроватей волнами накатывает теплый вонючий воздух. Воспринимали уголовники эту обязательку равнодушно, со скукой, но иногда начинали спорить. А когда спор разгорался, в него вступал начальник Кузнецов, крича своим резким высоким голосом:

– Ма-алчать! Тихо! Тихо! В ШИЗО посажу!

А до политинформации Мишка просиживал время как раз в кабинете Кузнецова, смотрел, как тот проводит личный прием.

Вообще, все эти начальники отрядов обычно набирались из сельских шоферов, из механизаторов, поддавшихся на уговоры спецуполномоченных и после учебы сменивших родные края и нищенскую зарплату на погоны, шинели и колючую проволоку.

– Гражданин начальник, – гундосил на приеме приземистый с мутными глазами. – Ошибочка вышла.

– Какая? – спрашивал Кузнецов, прихлебывая чай из железнодорожного стакана.

– Ну как же, ведь ударили мы с Васей по одному разу только, ну ладно, попал Пухов в больницу, но пролежал-то там всего месяц. А нам начислили платить за три. Я письмо получил, он уже дома с бабой спит, а я плати?

– А чем бил-то? – интересовался Кузнецов, шурша конфетой.

– Да лопатой получилось.

– Плохо, видать, бил, если только на месяц уложил, – в рифму констатировал начальник, рассматривая на свет ложечку.

Молчание.

– Плохо, спрашиваю, бил? Да?

Приземистый стоит, опустив длинные угловатые руки.

Кузнецов отодвигает стакан:

– Ну, иди, так и быть, уговорил ты меня. Напишем апелляцию. Действительно, уложил на месяц, а плати за три, непорядок, непорядок получается.

В гостиницу Мишку поселили вместе с Алексеем Сидоровичем и Василём, худым усатым парнем из Львова, присланным сюда на инженерную работу. В отличие от некоторых, Василь был шахматист заядлый и часто вызывал Сидоровича на поединок. Обычно это происходило так.

Один ход Василя.

Сидорович (тянет):

– Пра-а-вильно.

Второй ход Василя.

– Пра-авильно. Шажочек.

Василь:

– Ишь, все захотели учеными стать...

Сидорович:

– Пра-авильно.

Василь:

– А я вот так.

Сидорович:

– Пра-авильно, фигурку выиграл, подумаешь...

Василь:

– Ну-ну, посмотрим...

Сидорович:

– А мы ее чайником.

– Правильно.

– Правильно.

Василь:

– Чёрт, конь залез, никакого проку от него.

Сидорович:

– Пра-авильно, ведь там-то она мне и нужна, ло-ошадь...

Василь:

– Ну с чем играть, с чем играть?

Сидорович:

– Ой, что-то я засыпать стал, скучная партия.

Василь:

– Ладно-ладно...

Сидорович:

– А мы ее...

Василь:

– Последний прыг.

Сидорович:

– Хороший ход, да?

Василь молчит.

Сидорович:

– Мат. Красивая партия, да?

Вот так, ночуя в одной комнате, не ссорясь и особенно не залезая друг другу в душу, они прожили месяца полтора, а потом начали разъезжаться.

Первому квартиру дали, конечно, начальнику медчасти. В «белом» доме. Ведь в каждом городе в Союзе существовали белые дома для начальства. Вот и здесь. Белый дом – все как у людей. С отоплением из маленькой котельной и даже проточной водой. Ну, очень приятно... Так что в гостинице из постоянных остались Василь, Мишка, Ленка да телевизор, до того разозленный на командировочных, что весь покрывался рябью, когда его пытались смотреть. Утром троица уходила на работу.

А вечером Ленка на кухне варила опята, которые Василь собирал прямо под трапами. А тут вдруг на работу позвонил Андрей, сказал, что поругался с главврачом и переезжает в Яренгу, спросил:

– Как насчет Нового года?

– А что ты предлагаешь?

– Давай в Ленинград?

– Могут не отпустить, – засомневался можский доктор.

– Да ладно тебе, поедем, и все.

Мишка положил трубку и, улыбаясь неожиданно возникшей идее, пошел в зону смотреть, как ведет прием Алексей Сидорович. Он вдруг безумно захотел в Ленинград.

Но до медчасти Мишка добрался не сразу, так как по дороге его остановил старший оперативник Комков и пригласил зайти. С ним Мишка по работе дел не имел, да и вообще сторонился. Но Комков постоянно затаскивал нового молодого специалиста к себе за обитую дерматином дверь, поил чаем и буравил маленькими глазками, напряженно улыбаясь. В этот раз после ничего не значащих вопросов вдруг попросил помогать.

– Чем помогать? – удивился Мишка.

- Да там... если... вдруг кто говорит что...
- А что не надо говорить?
- Ну... кто вот Высоцкого слушает и вообще...
- Мишка пожал плечами:
- Да и я, в общем, слушаю.

Комков озадаченно посмотрел и вдруг рассмеялся.

- Ладно, – сказал. – У меня и без тебя дел много. С чем чай-то пить будешь?
- Ну, если больше ничего нет, – обнаглел приглашенный.
- Есть, парень, есть.

И оживившись, поглаживая черные пышные усы, стал длинно и нудно рассказывать, какое и каким способом он получил удовольствие однажды на юге.

Отвязавшись от оперативных дел, Мишка дотопал-таки до медчасти. Там, перед дверью, стояла очередь, а за – Сидорович чинно сидел за столом и, поглядывая на очередного больного поверх очков, нацепленных на самый кончик носа, что-то быстро писал в журнале приема.

– Миша! – обрадовался он и, привстав, пожал протянутую руку. – Посмотреть пришел?

- Да.
- Ну, садись со мной. И крикнул:
- Следующий!

Входит один:

- Начальник, я иголку проглотил, бери в больницу.
- Болит?
- Вот счас, счас, – хватается за живот, – мочи нет терпеть!
- Нет, молодой человек, это не то, когда по-настоящему будете болеть – тогда и приходите... Поворачивается к соседу и объясняет:

– Много симулянтов – проверка идет, что знаю и как реагирую. Дело знакомое. Кстати, Миша, известие получил: должен приехать еще один доктор, терапевт, зовут Николаем Павловичем, молодой специалист, как вы.

После приема они идут домой. Уже холодно, темнеет, и вдалеке виден поселок с притягивающими внимание уютно светящимися окнами домов и вьющимся дымом из труб наверху.

– Знаете, Миша, – говорит Сидорович, – удивительное дело – боли больше всего боятся убийцы. Мишка вздыхает:

- Ну, что делать здесь врачу, я примерно представляю, а вот что делать мне?
- Пригласить Кастро, – улыбается старичок.
- Какого Кастро?

– Фиделя. Героя Кубы. Страшный революционер такой. Он когда к нам в Воронеж приезжал пару лет назад – так город вылизали, что куда там... А вообще, начинать всегда надо с пробы пищи на кухне. Во-первых, это наш долг, а во-вторых, просто полезно быть сытым.

И тут наступила зима. В одну ночь. Снег скапливался где-то в вышине и падал, падал бесконечно, цепляясь за стекла холодными пальцами и рисуя на них узоры. А после снега ударили морозы. И вот радость, наконец-то и можскому докто-санитару дали квартиру. Две комнаты с кухней и печкой в двухэтажном доме на краю поселка. По совету умных людей, еще не вселившись, тем более, что вселиться было невозможно, так как там покрасили масляной краской полы, Мишка заранее заказал в бухгалтерии за бесплатно положенные ему три кубометра дров, подождал, пока их привезут, купил топор и пришел колоть. А вслед за ним во дворе появился сосед: Черкесом его звали, прапорщик.

- Дэрмо, – сказал Черкес через минуту после изучения обстоятельств дела.
- Что дерьмо? – не понял Мишка.

– Дрова дэрмо.

– Почему?

Черкес оставил вопрос без ответа, зато сказал:

– Топор тоже дэрмо.

– Почему?

– Сэйчас увидишь, а ну, па-пробуй...

Мишка па-пробовал.

– Тэпэр отнэси в сарай.

– Почему?

– А па-пробуй вытащи топор.

Мишка па-пробовал.

– Нэ получается?

– Нет.

– Отнэси в сарай. Пусть стоит.

– А сколько стоять должно?

– Года два, пока не высохнет. И купи колун и нормальные дрова.

– А где?

– Колун в магазине, дрова у жуликов, шесть пачек чая, не знал, что ли?

На следующий день, груженный чаем, Мишка пошел в промзону. Но проверять его никто не проверял, он беспрепятственно отдал чай двум работягам и через день получил звонкие легкие дрова с зовущим сосновым запахом.

А тем временем появился Николай Павлович с женой и ребенком, и медчасть, наконец, стала укомплектована. Кроме известных врачей и полуврачей в штате числились Виталий Дормсович Бормыслов – работал пьяницей, стоматологом и мужем председателя сельсовета; Вася – веселый фельдшер, единственный коми на весь поселок. Вел прием в поселении. По сравнению с Вит Дор Бор, немножко пил. Еще Галя – фармацевт: сидела в аптеке, тихо выдавая лекарства страждущим. Плюс ... плюс несколько медсестер. И, конечно, Ленка, с неизменной сигаретой во рту, со своими круглыми, вечно удивленными глазами и густо накрашенными ресницами. Когда раз в квартал наезжали комиссии, Сидорович выставлял Дормсовича, спирт, соцобязательства, и все обычно кончалось хорошо. Однажды медчасть даже заняла первое место по подведению итогов. В остальное свободное время персонал эффективно трудился по поддержанию здоровья уголовников и тех, кто их охраняет, а Вит Дор Бор рвал зубы, принимая их за больные, ни в чем не повинным трезвым людям и уезжал в Сыктывкар гулять, спасаясь от жены.

А тут высохли полы, а тут еще более похолодало и, попробовав затопить печь, Мишка немедленно пригласил печника. Тот пришел вместе с Василём. Василь сел на табуретку, печник же залез всей рукой внутрь, что-то там долго шарил, но до трубы, видимо, не достал, так как вытянул руку обратно с весьма сокрушенным видом. Потом залез вновь и вытащил наружу кирпич. Почти размял его в пальцах и кинул в сторону.

– Труха, – сказал. – Переделывать бесполезно.

– Не выживешь, – обрадовал Василь.

– Выживу, – ответил Мишка.

– Посмотрим, – примирил печник, и они ушли.

3

Числа 28-го декабря Мишка позвонил Андрею:

– Ну как, едем? Я с Сидоровичем уже договорился...

– Да нет, – ответили с Яренги, – наверное, не получится.

– Не вешай трубку, саботажник, – сказал Мишка. – Завтра я подскочу к тебе, разберемся...

Когда приехал, Андрей с гитарой уныло лежал на кровати, перебирая струны.

– Почему грусть? – спросил можский доктор-моктор.

– Денег нет, – отвечивал яренгский кутила и, зацепив рукой что-то под кроватью, выволок вещь на свет божий.

Это был всего лишь пустой ящик. Просто из-под коньяка. Еще даже одна бутылка осталась.

– Армянский. На всю зарплату купил...

– А ты щедр, – констатировал доктор-моктор. – А как же Ленинград?

Возмутительно не ответив на прямо поставленный вопрос, яренгское коньячное мурло сказал:

– Между прочим, я и о тебе беспокоюсь. Вчера, например, приобрел два приглашения для нас на новогодний вечер, так что есть куда пойти.

– Послушай, – вежливо начал Мишка, – ты не понимаешь, я купил уже билеты в Ленинград, а ты мне какой-то клуб предлагаешь... Там, наверное, все пьяные будут, некультурные, так что давай поедем...

И Андрей решил:

– А черт! Едем!

Вскочил с кровати, схватил рюкзак, сунул туда оставшуюся бутылку, закинул за плечи гитару, сказал:

– Подожди!

Убежал, прибежал:

– Вот, смотри, еще восемь рублей за приглашения, плюс занял немного, а у тебя?

– Триста. На обоих хватит.

– А когда поезд?

– Через двадцать минут – до Котласа.

На станции Мишка пошел в кассу.

– А зачем? – удивился Андрей. – Билеты ж есть.

– Глупый ты, – сказал с превосходством. – Кто ж их заранее покупает...

Через четыре часа они были в Котласе и там сели в поезд, спешащий в Ленинград.

За окном темно, за окном мороз и снег. И лес бесконечной чередой проносится. А в купе тихо, тепло и коньяк стоит на столе. Медленно уменьшаясь в количестве. Андрей перебирает струны, Андрей поет и играет Визбора.

Тут открылась дверь и внутрь просунулась голова:

– Эй, мужики, я смотрю, у вас и карты есть... Сыграем?

– Потом, – ответил Мишка. – Извини, не сейчас...

– Да ладно, ну ты совсем... Быстренько уговорим на интерес партеечку, а?

Мишка стал подниматься.

– Послушай, – Андрей отложил гитару. – Мы отдыхаем. Сами. Расслабуха. И ты лишний. Понял?

Дверь со злостью захлопнулась.

– Главное – уметь донести до человека в вежливой доступной форме свою мысль, – сообщил яренгский философ и уничтожающе посмотрел на соседа. – А кулаками махать – последнее дело.

И опять взялся за гитару.

На следующий день, вечером, с пригородов, начался Ленинград, а чуть попозже поезд, наконец, подошел к такому знакомому Московскому вокзалу.

Только недавно был поселок, утопающий в снегу, деревянные дома с печками, трапы, лес вокруг, люди в шинелях и люди в черных робах. Дрова за шесть пачек

чая. Какая-то совсем другая жизнь. И вдруг, всего через день – Ленинград. И в нем идет дождь.

– Я Толику позвоню, – сказал Мишка. – У него ночевать будем. У тебя две копейки есть? Набрал номер. Гудок. Длинный.

– Толика можно?

– Его нет.

– Извините... а это Оля? Оля?! Это я, Миша, привет, а когда Толик будет?

– Ах, Миша... Как же, как же... помню. Ты еще свидетелем был у нас на свадьбе, правильно?

– Ну да.

– Еще напился безобразно, маме моей нагрубил...

– Оля, ну что вспоминать-то, Толик когда будет?

– Не будет! Развелись мы. И, кстати, можешь передать ему, что он свинья.

Гудки. Короткие. Пиип-пиип-пиип.

– Больше не буду свидетелем, – выпалил красный как рак Мишка, выскочив из телефонной будки. – Пролетаем, как фанера над Парижем. Выход один – ехать в общагу, там Пашка живет.

– Опять общага, – грустно сказал Андрей. – Куда ни приедешь, кругом одна общага.

Пашка был длинный, худой парень. И вообще, большого ума человек, любящий поспорить. Увидев знакомую парочку, он обрадовался до чрезвычайности. Особенно он обрадовался Андрею, так как знал его меньше и полагал за умного человека, равного себе. Он и раньше пытался приставать к нему с разного рода идеями, но у Андрея раньше был выбор, где ночевать. В этот раз, после хорошей пробной встречи Нового года, где-то в два часа ночи Пашка решительно пошел на приступ:

– Вот, – сказал. – Два интеллигента крутых встречаются – Руфь и Мартин Иден.

– Забавно, – ответил пьяный Андрей.

– И как! – продолжал собеседник. – Как из обычного моряка, из грузчика, наконец, получается интеллигент! Человек – это... это как губка! И он впитывает в себя, если хочет, только хорошее и становится... и становится...

– В губке очень много дырок, – пытаюсь не упасть в грязь лицом, сообщил собеседник.

– Да. И человек впитывает, впитывает в себя, а если он голоден, а если он страдает, как усиливается восприятие! Вот я... голодал две недели...

– Чувственность возрастает, – в последний раз высказался Андрей, свалился со стула, попытался притвориться спящим и заснул.

На следующий день, когда проснулись, Пашки не было, они посмотрели друг на друга, быстро оделись и драпанули из общежития. Уже наступил день 31 декабря и надо было что-то предпринимать.

– Пойдем в баню, – предложил Мишка. – Как в кино, с пивом. Заодно и помоемся.

Заодно и помылись. А Новый год справили в абсолютно незнакомой компании, которая буйно веселилась на лестничной площадке, потому что в маленькой однокомнатной квартирке, откуда часть компании была родом, спали дети. Андрей пел и играл на гитаре, Мишка с кем-то целовался, пили красивый вишневый ликер и танцевали, смотрели маленький телевизор «Электроника» на длинном шнуре, выставленный на табуретку, а в шесть часов утра бегали по улице и играли в прятки. И с тех пор больше никогда ни Мишка, ни Андрей не встречали этих людей, и забыли напрочь их лица, и где находится их дом, не могли бы вспомнить и найти уже на следующий день. Только и остался у Андрея подаренный хозяйкой

той маленькой квартирке двойной альбом «Битлз» – за хорошие песни и, может быть, за то, что весь вечер и всю ночь он пел и играл для нее одной.

- Пора ехать, – сказал Мишка в январе.
- Едь, я еще задержусь.
- Тогда и я. Надо бы только телеграммы отправить.
- Отправим.

Обратно было уже не так весело, да и денег на коньяк не хватило. Все неожиданное кончилось, и дома Мишку ждала холодная квартира с трухлявой печкой и коричневыми свежевыкрашенными полами. Добравшись до Викуня, они попрощались, и каждый направился в свою сторону. Но оказалось, Мишке было приготовлено еще кое-что: разрешения Сидоровича не хватило, надо было отпроситься у начальника штаба, и тот был взбешен донельзя самовольной отлучкой. Мишку месяц пилили на всех собраниях, а потом устроили показательный товарищеский суд. А когда, обруганный товарищами, злой как собака он позвонил Андрею, узнать, как ситуация, тот стал смеяться:

– Ты представляешь, – проговорил сквозь смех, – я перепутал: вместо «вернусь 15-го января» ляпнул случайно – «15-го февраля». Они так удивились, когда я приехал, что даже забыли о том, что я вообще ни у кого не отпрашивался, пропал из поселка, и все.

С тех пор Мишка стал фаталистом.

Но фатализм фатализмом, а пришлось взять чемодан и вселиться в свой почти особняк, так как в гостинице его больше не держали. Чтобы топить, надо было вставать с кровати, идти через холодрыгу большой комнаты и подкладывать дрова. Дрова горели быстро, а вот печка нагревалась медленно – очень медленно для тридцати двух градусов мороза. Еще, слава богу, не было ветра. Холодно было так, что не помогали ни телогрейка, ни валенки, в которых спал фаталист, накрытый сверху ватным одеялом. По утрам в ведре замерзала вода, правда она замерзала и в кране водонапорной башни, но кран каждое утро обжигали автогенном, а Мишка просто разбивал лед кружкой. А тут замерз замок на входной двери, и стены в коридоре стали покрываться изморозью. Пришлось прибить железки для висячего – чтобы легче было отогреть механизм, зажигая спички. Но это скоро надоело, и Мишке – недаром человек получил высшее образование – пришла гениальная идея: он снял ненужный замок, а пол в коридоре залил водой – против воров и террористов. Вода немедленно замерзла, и образованный парень спал спокойно, надеясь, что если придет жулик какой, то обязательно упадет, и, услышав стук жулика об пол, можно будет подготовиться к отпору. Но пришел не уголовник, а приехал неожиданно Андрей, привез две бутылки водки, с размахом шлепнулся и все разбил, чудом не поранившись. Была большая драма, Андрей очень разозлился, обозвал хозяина дураком и уехал. Другая идея, как оказалось потом, была не столь гениальна: Мишка решил, что тепло уходит главным образом через окна, и забил их до верха стекловатой. Теплее не стало, но теперь стекловата была везде. Когда столбик термометра стал подбираться к минус сорока, до рыжего фаталиста, наконец, дошло, что так больше нельзя. Он пробил стенку печки до конца, соединив ее со стенкой квартиры, и сделал пожар.

Пожарники работали как бешеные: ломали стены, срывали электропроводку, разбили зачем-то потолок, в общем – старались. Мишка стоял снаружи. Подошел Черкес, посмотрел умными глазами, сказал:

- Если б мой квартира горел – убил бы...
- Так не горит же?
- Так живи.

Мишка пожал плечами, взял чемодан и пошел прочь от дома, в гостиницу. По дороге обернулся и крикнул:

– Можешь забирать дрова, мне пока не нужно.

4

А Николай Павлович оказался человеком нервным. Институт он закончил какой-то Житомирско-Хмельницкий и, взяв в багаж вилы и грабли, приехал на Север с твердым намерением заняться сельским хозяйством – кроликов, например, развести, лучок посадить. Но в этих местах болотистая земля рожала только мхи, жулики съедали собак, а из личной живности чудом присутствовала в поселке одна на всех коза, заведенная было заместителем по быту в надежде получить от нее молоко. Но коза производить что-либо отказалась, мхи не ела, развязалась и в конце концов ушла, бедная, куда глаза глядят. Горько блея на людей.

Так что, обманувшись в своих лучших ожиданиях и выбив между делом относительно неплохую квартиру, доктор поставил грабли с вилами далеко в угол, от скуки сделал жену опять беременной и стал ссориться с окружающими. С Сидоровичем, например, он поругался сразу. И все из-за того, что Сидорович в медицинских вопросах его не слушал, а один раз позволил себе исправить в одной из историй болезни резюме Николая Павловича «чиряк» на более научный термин – «фурункулез». Мишку же доктор невзлюбил – потому что это был Мишка. Один раз они даже чуть не подрались в зонированной медчасти.

– Я карате занимался, – кричал Николай Павлович, отступая после неудачного выпада в угол между топчаном для больных и столом с бумагами. – Маваси хочешь? – И поддегивая для удобства вверх левую джинсу, замахивался ногой.

– Сейчас-сейчас, – обещал противник, надвигаясь боком на терапевта.

Но поединок все-таки был сорван. Сорван настоящим стуком в дверь очередных пациентов, требовавших немедленного излечения. Что ж, Николаю Павловичу пришлось прекратить делать маваси, он повесил на должное место стетоскоп и сел. А Мишка, отойдя от доктора и его больных на безопасное расстояние, потоптавшись, со злости пошел снимать пробу пищи, перехватывая обед у этого склочника, заявившего в свое время, что такая процедура является только его привилегией, так как именно он ведет здесь прием.

Очень спокойно съев что дали, записав в тетрадке объективно, что да, съел, и явно улучшив настроение, пробогатель заглянул в одну из подсобок, демонстрируя, что пришел не только кормиться, и неожиданно обнаружил там червивое вонючее мясо.

– Когда получили? – спросил.

– Сегодня, – ответил заведующий уголовник.

– Это нельзя использовать в пищу. Я иду к начальнику колонии, – почувствовав себя при деле, строго сказал сниматель проб.

– Как скажешь, начальник.

Но подполковник Седов слушать не захотел:

– Не мои вопросы, иди к режиму.

Заместитель по режиму молча прочитал акт о списании и, усмехнувшись, подпisał.

– Все? – спросил.

– Все.

Донельзя довольный собой, Мишка вышел из зоны и направился в медчасть. В медчасти в большом, не по росту халате и беспрестанно поправляя колпак, падающий на глаза, Сидорович усиленно лечил какого-то человека с радикулитом. Наконец, отправив кадра домой и в который раз поправив опять съехавший колпак, больничный старичок весело подмигнул своему заместителю по санитарной части и, с наслаждением закурив, сказал любимое:

– Вот, как хорошо было бы работать, если б больные не мешали...

Мишка улыбнулся – ему было приятно общаться со своим начальством. Несмотря на нагоняй, полученный тогда в штабе, Сидорович отношения к непутевому санитарному доктору так и не изменил, и сидели они по-прежнему в одной комнате, где справа были бумаги и стол одного, а слева – бумаги и стол другого. На Мишкиной стороне дополнительно стоял также и железный сейф с двумя дверцами, где в верхнем отделении хранился спирт, а снизу мясные консервы на экстренный случай. Сидорович посмотрел на время, вынул из секретного кармана ключ и небрежно кинул его санитарному соседу.

– День тяжелый, – сказал, – с утра был в поселении и вообще... Ты не возражаешь?

– Триста? – спросил сосед.

– Пятьсот и тушенка: сегодня снега много. Отлив алкоголь, они закрыли медчасть и потопали в гости к Сидоровичу.

– Что-то холодно у вас, – зайдя в квартиру и сняв пальто, поежился Мишка. – Не видно, что паровое работает.

– Я уже старый, – сказал хозяин. – А консервы дольше хранятся в холоде.

Выпили. И еще раз выпили. И еще. Пока не согрелись и не размякли.

– Ты знаешь, – начал тему Сидорович, – этот терапевт такой бандит! Да-да, ты не улыбайся – я заметил, он к Комкову бежит... Не зря все это.

– Съест его Комков, – сказал Мишка.

– Съест не съест, мне тут Султанов шепнул (я его жену лечил): Комков микрофон у нас устанавливает, все думает, что я больничные за деньги даю. Так я пожаловался Седову, тот распорядился убрать.

– Хорошенькие дела, – обалдел подчиненный.

– Хорошенькие...

Еще выпили.

Сидорович согнул в предплечье руку и напряг бицепс.

– Ну как?

Мишка потрогал:

– Впечатляет.

– А у тебя? ...Слабак! Да я до сих пор делаю стойку на руках.

– Не надо.

– Надо, – упрямый Сидорович отошел в угол комнаты, оттуда разбежался, прыгнул на руки, секунду постоял так и оглушительно упал с другой стороны, зацепив при этом раскладушку.

– А я, между прочим, предупреждал, – скосив глаза, невинно заметил собутыльник.

Сидорович встал и, прихрамывая, подошел к столу:

– Возраст, – печально вздохнул. – Возраст. Давай лучше в шахматы играть.

На следующий день Мишка пошел в зону проверять, куда делось мясо. Мясо делось. В подсобке его не было. Жулик, завстоловой, сказал, что выкинули и получили новое. Засомневавшись и ругая себя, что не выкинул сам, Мишка зашел к санитару, хитрому бандиту-рецидивисту, с которым был в неплохих отношениях.

– Где мясо? – спросил.

– Между нами?

– Да.

– А как вы сами думаете?

– Съели?

– Конечно.

– Но там же черви?!

– Выбрали, ночь постояло в марганцовке, а утром на котлеты.

– Понял, – Мишка почувствовал себя одураченным. Выйдя из зоны, злой и страшный, он направился на склад. И проверив там накладные, обнаружил десять бочек полусгнившей рыбы. Написал акт о списании и потребовал уничтожить все при нем. Но капитан Злотников, заведующий продовольственной частью, отказался, сославшись на занятость персонала.

– Ладно, – сказал Мишка. – Тогда завтра. Завтра я приду, при мне сделаете.

Назавтра рыбы, конечно, не было. Он спокойно повернулся и пошел в зону. Обнаружив там знакомые бочки и выписав опять номера накладных, Мишка оформил все как положено и послал письмо в прокуратуру о попытке использования заведомо испорченного продукта.

Но назавтра и рыба, и мясо – все вылетело из головы. Утром, обычным утром, когда мороз сковал деревья и люди, закутавшись во все теплое, вышли из своих домов на работу, они, оцепенев от неожиданности, увидели: на центральной дороге, на самом ее видном месте, в холодном, красном от вытекшей крови снегу, лежал мертвый человек. Этот человек не сразу умер, после удара ножом в грудь он еще бежал, потом шел, потом полз. И так его и нашли, вытянувшего вперед руки в последней попытке подняться и упавшего лицом вниз. В нем узнали оперативника Косугина, молодого офицера, проработавшего менее года в подразделении.

Немедленно была поднята тревога. Все помнили, как десять лет назад двое уголовников, ворвавшись в квартиру прежнего зама по режиму, убили его жену, захватили охотничий карабин и, устроив засаду у штаба, постреляли половину офицеров, вышедших оттуда после очередного промывания мозгов. Первым же поездом прибыли следователи прокуратуры и взялись за дело. Но все выяснилось уже на следующий день: у парня была любовница, жена командира батальона. И когда муж уезжал командовать, его женщина ложилась в постель с другим. Прошлой ночью любовник не успел уйти, да еще ляпнул что-то горящему от бешенства человеку. И тот всадил в него по самую рукоятку нож. У Косугина остались силы спрыгнуть с балкона и пробежать, прижимая руку к ране, несколько сот метров. Пока не подкосились ноги... Комбата немедленно арестовали, да он и не думал что-либо скрывать. С Украины приехали родители убитого, плакали... И его, без особой огласки, речей и процессий, похоронили на местном кладбище. А в пустой квартире арестованного осталась жена и через полгода завела новую связь.

Вообще, в этом поселке, где все дороги обрывались за последним домом, хуже всего приходилось женщинам. Они как-то рано старели, а еще – вдруг начинали крыть матом, пить водку, скучали. Ведь развлечений никаких. Кроме одного – делать любовь. И еще – очень чувствовалось дыхание зоны с ее нравами. Половина жителей были уголовники, отсидевшие свой срок, плюс мужики, приехавшие подзаработать, плюс прапора и офицеры. И на всех вместе три дела – водка, охота и баня.

Хотя баня – разговор особый. Работала она всего два дня в неделю – суббота для женщин и воскресенье для мужчин. Поэтому готовились к бане заранее, закупили водку, приходили компаниями. Это было не просто мытье, смыл грязь – и домой. Такое для новобранцев, таких как Мишка. А вот когда заходил настоящий человек... Такой всех выгоняет из парилки, открывает оттуда дверь и сначала тщательно её убирает, выметая листья от веников наружу. Потом сушит, догоняя до температуры, что и дышать, кажется, уже невозможно. И наконец, плещет на раскаленные угли заранее припасенный квас. Запах – умереть! На голову надевается старая вязаная шапка, закрывающая уши, перчатки на руки плюс свежий, только что вымоченный в кипятке веник. И вперед, наверх! Вот тут блаженство.

Для тех, кто понимает. Сначала делать ничего не надо. Посидеть, расслабиться, привыкнуть к полутьме, ведь горит только одна лампочка, прикрытая к тому же мутным плафоном. Потом встряхнуть веник, подняв его кверху, избавляя от излишней влаги, и легонечко начать. Походить им по бокам... И по-настоящему, с оттяжкой. Да так, что соседи отодвигаются в сторону от проносающегося мимо обжигающего горячего ветра. И остановиться. Лечь. Вытянувшись, закрыв глаза, провалившись в остановившееся время.

В этом поселке, как и во всех других таких местах, было много людей, сбежавших по той или иной причине с Большой земли. То милиционер из Киева, устроившийся здесь прорабом в зоне, то учитель из Москвы, через месяц после приезда начавший бегать по соседям, прося хотя бы одеколон для опохмелки, или одинокий старый врач с грустными глазами, тихо живущий в доме для начальства.

Временами между вольнонаемными водителями МАЗов, в основном, бывшими уголовниками, и прапорами, охранявшими уголовников настоящих, возникали грандиозные драки. Что не сделаешь, чтоб повеселиться? Мишка в драках не участвовал. Он предпочитал ходить в кино. Сеансов в клубе было два – на семь и на девять. Фильмы менялись каждый день. Каждое утро киномеханик прикреплял на зеленую фанерку у клуба листок с названием будущего удовольствия, и ветер рвал и рвал киношную рекламу со ржавых кнопок и, злясь, уносил, бросая в конце концов в снег. Киномеханик, серьезный человек, кино крутил только тогда, когда набиралось пять человек, но даже это количество собиралось редко. Никому не хотелось тащиться в холодный клуб, где утром проходили политинформации, и дополнительно мерзнуть там вечером. В конце концов, киношный человек стал делать исключение для своего постоянного клиента, и Мишка таки посмотрел фильмы. И про чешского жулика, переодевшегося официантом, и старый польский «Анатомия любви», и индийские, и еще в котором молодой Окуджава пел: «Опять от меня сбежала последняя электричка, и я по шпалам, опять по шпалам...» А кругом лес, темно, холодно, и снег скрипит под валенками, когда возвращаешься.

5

В понедельник, в восемь часов утра, на политинформации грянула гроза. После выступления замполита начальник штаба встал с места, развернул лист бумаги, оказавшийся Мишкиным письмом в прокуратуру, и стал ровным голосом читать текст. По залу прокатился гул.

– Ты что это, Кац, взялся у нас уголовников защищать? В прокуратуру на нас пишешь? – нагнувшись вперед и упершись костяшками пальцев в стол, жестко спросил начальник.

– Нельзя есть гнилую рыбу, – срывающимся голосом с места ответил санитарный врач.

– Так ты это что? Может, и дальше писать собрался? Про рыбу, там, овощи, погоду? Или про то, что водки мало? Так?

В зале рассмеялись.

– Нельзя есть гнилую рыбу, – беспомощно повторил отвечающий.

– А ну, хватит! – зычно крикнул хозяин. – Мне здесь писатели не нужны. Если не понял – твоя беда. Другой разговор будет.

Посмотрел на часы:

– Все. По рабочим местам. Начальнику медчасти зайти ко мне.

Люди с шумом стали подниматься и выходить, искоса поглядывая на Мишку. Тот тоже поднялся и, сунув руки в карманы, чувствуя, как произвольно дрожат колени, независимо посвистывая, вышел из клуба.

Сидорович появился через полчаса. Сел, достал валидол и положил под язык.

– Вы извините, – начал Мишка.

Но старик махнул рукой:

– Да ладно...

И внезапно стукнул кулаком по столу:

– Ведь все понимает, гад! Сам сказал: «Зарвались, меры не знают». Седов, видимо, тоже от него получил, я думаю... Стал потирать левую половину груди:

– Ты тоже, не знал, что ли, с кем связываешься?

– Сидорович, ну рыбу нельзя было есть, ладно, мясо сварили в марганцовке, но с рыбой это не поможет!

– Ай... Ну, ты как маленький! Кто твою рыбу давать собирался... Зону бунтовать дураков нет.

И вздохнул:

– Хотя, быть может, наглости у них теперь поубавится. Хозяин шутить не любит.

Весь в расстроенных чувствах после так красиво начатого утра, да еще повстречав по дороге улыбающегося Николая Павловича, сандоктор решил дожидаться школьного автобуса, чтоб уехать отсюда куда глаза глядят, хоть в поселение.

Автобус обычно приезжал на десять-пятнадцать минут раньше окончания уроков и стоял с заведенным мотором, ожидая пассажиров. В два часа из школы выбежали дети и, весело галдя, стали кидаться снежками. Водитель, в широкой, как аэродром, кепке и замурзанной эковской униформе, показывая на часы, неуклюже бегал за своими маленькими клиентами, на ломаном русском объясняя, что он опаздывает. Наконец дети успокоились, часть из них пошла по домам, а часть забралась внутрь, и автобус покотил вперед. Стоял безветренный белый день, и солнце, искрясь, играло на снегу. Они быстро, легко ехали по накатанному зимнику, иногда сворачивая в сторону и пережидая встречные МАЗы.

– Смотрите, смотрите, лось! – с восторгом закричала рыжая девчушка, показывая пальцем. – Сеня, Сеня!

Сеня, в большом не по росту пальто и с длинным шарфом, обмотанным вокруг шеи, вскочил с места и прилип к стеклу. Видимо, этот мальчик появился здесь недавно, ничего еще не видел, и его опекали. Водитель, обнаружив объект, увеличил скорость. Но лось, увенчанный пышной короной, равнодушно посмотрел на приближающийся экипаж и, едва касаясь копытами утоптанной колеи, плавно понесся в сторону леса. Дети опять расселись по местам, а та же рыжая девочка тоненько-тоненько начала петь:

Малиновки слышав голосок,
Припомню я забытые свиданья...

Ее немедленно поддержали, толкая в бок Сеню, чтобы он тоже пел.

– Той... березовый плато-ок. И тихую речушку без названья...

– Прошу тебя... – серьезно выводил ребенок.

Так и доехали, с песней. Потом, часто добираясь таким образом, Мишка узнал, что это была одна из самых любимых песен маленького дружного автобусного ансамбля. А пока дети побежали по домам-баракам к своим мамам и к своим папам, отсиживающим срок. Огибая по дороге встретившегося Шмоняка, столовую с Анной Ильиничной и штрафной изолятор за колючей проволокой.

Санврач же, вооружившись листом бумаги и ручкой, пошел выполнять свою работу – проверять «чисто-грязно». Обходя барак за бараком и разговаривая со шнырями-дежурными, он писал короткие акты, оставляя копии написанного начальникам отрядов. Потом подошел к ШИЗО и нажал кнопку звонка. Ему открыли, и спецдоктор сунул свой нос в камеры. Одна из камер не отапливалась, и в ней

находились люди. Мишка посмотрел на часы – было пять, скоро должен был начаться прием больных в медчасти, оставил все и побежал за фельдшером.

Вася действительно уже приехал и, как всегда, находился в чудесном настроении и легком подпитии. По своей должности веселый фельдшер раз в месяц выписывал у Сидоровича спирт для всяких там обработок, но этот спирт имел обыкновение кончатся на полторы, а то и две недели раньше положенного, поэтому Вася постоянно требовал увеличить количество выписываемого семидесятиградусного медикамента (так как много больных), а хитрый Сидорович, опять же (так как много больных), постоянно предлагал ему вместо спирта еще полкило мази Вишневого. Так что договориться у них никак не получалось. Медчасть же Васина представляла из себя отдельный, всегда жарко натопленный домик, в котором пожилой санитар создал почти домашний уют с чистыми занавесочками на окнах..

– Как, как дела? – спросил Вася и подмигнул. Он чуть-чуть заикался.

– Пойдем в ШИЗО, – вместо ответа попросил Мишка. – Там одна камера не отапливается, в ней люди, выглядят совершенно больными, хочу, чтобы ты написал заключение.

– Я что, д-дурак? – искренне удивился фельдшер. – Т-ты лучше скажи, т-ты спирт с моими огурчиками п-пробовал?

– Потом, – Мишка повернулся и вышел.

Так как дежурный прапорщик подписать акт тоже отказался, он с этим листком бумаги, расписавшись самостоятельно, направился к Шмоняку.

– Да тебя учить надо... – задумчиво сказал Шмоняк, прочитав. – Все лезешь? Ни х... не понимаешь и лезешь?

– Вы подписываете или нет? – спросил.

– Что? – Шмоняк сжал в кулак руку, державшую акт. – Это?

Чувствовалось, что он с трудом сдерживается, чтоб не выйти за рамки вежливого разговора.

– Я думаю, – сказал Мишка, – вы уже поняли, что я дурак. И я здесь временно, а у вас погони... И писать я могу, вы утром слышали. Так что лучше затопить...

Потом, закончив всю эту абсолютно ненужную глупость и удивляясь себе, что опять связался, битых два часа он стоял на вышке КПП, ожидая МАЗы, чтобы уехать домой. Наконец забрался в кабину одного из них и покатил, заморожено следя за дорогой, выхватываемой из молчаливой темноты светом горящих фар.

А в гостинице, когда добрался, был праздник – бухали курсанты. Они уже две недели находились здесь на практике и каждый вечер устраивали себе подобное удовольствие. Под настроение Мишка взял бутылку и пошел к ним. Парни были уже на взводе, и с ними сидели еще несколько местных женщин.

– Ап, – кричал магнитофон, – и тигры у ног моих сели...

Все наливали.

– Ап... и с лестниц в глаза мне глядят...

Опрокидывали.

Ап – наливали.

Ап – опрокидывали.

В общем, очень скоро, после очередного «апа» Мишка увидел, как заливная рыба и бутылки, стоящие на столе, начинают терять свои очертания. Тут с шумом открылась дверь и через нее в комнату ввалился какой-то усатый в расстегнутой рубашке, обнимая прижавшуюся к нему Ленку. Мишке стало неудобно: когда-то, только приехав, Лена пыталась зацепить его, крутилась, крутилась возле, но он так и не пошел навстречу, сам не зная почему. Ведь был один. Ленка поняла и отстала. И только иногда улыбалась глазами, встречая в коридоре медчасти этого бывшего соседа по гостинице, глупого доктора, неизвестно отчего.

Усатый, устроившись на самом хорошем месте – около остатков заливной рыбы, усадил Ленку на колени и стал целовать, с силой поворачивая ее голову к себе. Та отбивалась, чувствуя, что на нее смотрят.

– Ап, – опять завели с самого начала, – и тигры у ног моих сели...

– Ну, ты, – сказал Мишка, – таракан, быстро отпустил...

Усатый удивился.

– Это кто? – спросил у соседей.

– А чёрт его знает, – ответили ему. – Пришёл, сидит...

– Ап, – орал магнитофон, – и с лестниц в глаза мне глядят...

Усатый ссадил девушку и встал, из расстегнутой рубашки колечками выбивалась шерсть.

Ап... и кружатся на карусели...

Мишка залепил заливной рыбой всю поверхность морды противника.

– Ап... и в воздух летят...

Женщины убежали, курсанты повскакивали с мест и начали серьезно бить пришельца.

Наутро доктор очень долго вставал, все болело, наконец поднялся и поплелся в медчасть. В медчасти Сидорович сидел в кабинете, заполнял какую-то начальническую ведомость и мурлыкал:

– Ап... и тигры у ног моих сели...

Услышав, как вошли, объяснил, не поднимая головы:

– Вчера проходил мимо гостиницы, услышал, так въелось...

– Сидорович, давай не будем петь, – умоляюще попросил подчиненный.

Старичок посмотрел вверх и присвистнул:

– Ничего себе... Получил, что ли?

– Вообще-то да, – смущенно признался работник, держась сразу за подбитый глаз и опухшие клоунские губы.

– Да, но, я надеюсь, не от тигра же? Мишка стал улыбаться, зажимая рот рукой, чтобы сильно не растягивался, – так было больно.

– Никуда сегодня не ходи, – приказал начальник. – С такой физиономией только объекты проверять. Сиди здесь, придут делать вытяжной шкаф, смотри, чтоб не уперли что-нибудь ценное.

И ушёл.

Через некоторое время появилась Ленка. Засунула голову в кабинет начальника, увидела побитого санитарного, зашла и плотно закрыла за собой дверь.

– Доволен? – спросила.

Мишка пожал плечами.

– И зачем это надо было?

Опять пожал плечами.

– Нет, ты скажи! Вот ты скажи, ты что, мой папа, что ли? И сам не гам, и другому не дам? Ну, скажи! За моей нравственностью следишь?

– Да нет, – ответил тихо. – Ты извини, я ведь сам знаю – не мое дело, но уж так...

Ленка закрыла лицо руками, замотала головой и, заплакав, вышла из комнаты.

В десять часов появился мастер. Это был двухметрового роста детина с руками, похожими на лопаты. Но эти лопаты так любовно обращались с деревом, что Мишка засмотрелся. Мастер делал то, что от него требовалось, и рассказывал, что отец у него краснодеревщик, что передал ему не только профессию, такую редкую нынче, но и некоторые жизненные устои. И хоть он оступился случайно, но устои эти соблюдает и советам отца следует. В обед довольный Мишка удалился подзаправиться, а потом, придя из столовой, опять уселся перед будущим вытяжным шкафом, приготовившись, как и утром, наблюдать за руками чудо-сто-

ляра. Но после обеда настроение мастера неожиданно резко изменилось. Он ничего больше не рассказывал про жизненные устои, угрюмо молчал, лопаты его без толку сжимались в огромные кулаки, работа не шла. Унюхав запах водки и почувствовав опасность, Мишка ушел к себе в кабинет, рассудив, что все закрыто, и если что-либо произойдет, — он услышит. Но буквально через несколько минут увидел через открытую дверь, что краснодеревщик уходит.

— От греха подальше, — подумал с облегчением и забыл о нем.

Часа через два, собравшись в магазин и проходя мимо ближайшего к медчасти дома, побитый доктор услышал истошный женский крик. Рефлекторно остановился, и в этот момент прямо на него из подъезда выбежала женщина. Сначала, увидев физиономию, отшатнулась, но потом, узнав, крикнула:

— Не дай уйти этой гадине, я вызову оперативников!

Вместе с Мишкой остановился лейтенант-пожарник, худой, высокий человек, всего два месяца как находящийся в посёлке. Они посмотрели друг на друга и зашли в подъезд. Первая справа дверь была открыта, и оттуда доносился мат и звон разбиваемой посуды. Заглянув внутрь, Мишка похолодел — в слепой ярости по квартире кружился его столяр, ломая все, что попадалось на пути. Остановить его было все равно, что остановить быка. Он махнул рукой пожарнику, стоящему сзади, и, тихо ступая по ступенькам, вернулся на улицу.

— Надо найти что-нибудь, — сказал. — Какие-нибудь палки, железо. Это такой бор, если он выйдет, нам конец, но и выпускать его действительно нельзя.

Пожарник пожал узкими плечами и встал рядом. Но им повезло. Столяр почему-то не вышел, через десять минут прибыл фургон с решетками, оттуда вылез белый от ярости Комков, чуть поменьше ростом, но с такими же кулаками, как у того, а с ним еще двое. Они зашли в подъезд, выволокли почему-то не сопротивляющегося бугая наружу, кинули на землю, и Комков стал его бить ногами.

— Я тебе поверил, — кричал оперативник, срывая свою злость. — А ты в первый же вечер... Тепленького захотелось, теперь у меня никогда не выйдешь...

И продолжал пинать лежащую тушу.

— Вставай!

Тот поднялся и что-то протянул Комкову. Оперативник усмехнулся и взял.

— Ладно, сделаю, а теперь залезай, сволочь! Столяр полез в фургон.

— Что он дал? — спросил Мишка.

— Да четвертак, чтоб я мимо прапоров на вахте провел, — откровенно объяснил Комков. — А то они из него котлету сделают за это дерьмо.

Махнул рукой, и они уехали.

Не будет вытяжного шкафа, — грустно сказал Мишка недоуменно посмотревшему на него пожарнику и пошел дальше в магазин.

Но вот... даже в Коми началась весна. Ярче засветило проснувшееся солнце, стал мягче, плотнее снег и потекли ручьи. Стряхнув с себя долгий зимний сон, расправили ветви уставшие от прошедших морозов деревья и, мимолетно улыбнувшись друг другу своими немного припухшими губами-почками, устыдившись наготы, от посторонних взглядов закрылись молодыми клейкими зелеными листочками. Но и весной, и летом, так же, как и зимой, не было им покоя, и под завывание бензопил деревья по-прежнему падали на землю, где люди топорами срубали, по их мнению, все лишнее и такими, вытянувшимися, молчаливыми, их грузили на те же МАЗы, уходившие по бревенчатым, заранее подготовленным лыжневкам в зону на разделку. И постоянно весной всегда начиналась одна и та же, изрядно

поднадоевшая, кампания по поднятию лежалой древесины из болот. Все вольные, свободные от дежурств офицеры, шофера, медики, инженеры собирались вместе и, вооружившись преимущественно своими руками, а еще крючьями, бензопилой, направлялись в молодой пробуждающийся лес и под заливчатские крики вперемежку с площадным матом, грязные чуть ли не по шею, вытягивали из болот сброшенные зимой как излишняя тяжесть МАЗами по дороге в зону дерева. Их грузили на машины, по двое-трое, приподнимая над собой. И разбегаясь, тот, кто был впереди, подбрасывал болан кверху, а задние, на бегу, по воздуху закидывали его в тяжело сидящую на колесах машину. Сидорович всегда вызывался ехать в лес, но такую работу выполнять, конечно, не мог, поэтому кашеварил у костра, варя суп с картошкой и кусочками колбасы, добавляя туда обязательно растительное масло для вкуса.

– С войны привык, – объяснял.

А после усталым, наработавшимся людям привозили широким жестом ящика два водки. Выходило примерно по полбутылки, иногда бутылке на брата, и все ели докторский суп с растительным маслом, колбасу со складов и пили, пили водку. Жизнь становилась легче, веселее, горел костер, по кругу шла железная прокопченная кружка с цифирём, люди начинали дымить сигаретами, рассказывать небылицы, смеяться не к месту, и только отстраненно шумел лес над их головами.

А еще весной прибыл в поселение новый зам по режиму вместо не справившегося с производственными задачами Шмоняка, а его жена поступила работать в медчасть медсестрой. Звали ее Оля, и имела та Оля ясные веселые, с искоркой, голубые глаза. А чуть погодя, в начале лета захотел Сидорович пойти в отпуск и оставить вместо себя именно спецдоктора Михаила Каца.

– Сидорович, – сказал Мишка, – а почему я? Лучше оставьте Н. П., он все-таки терапевт.

– Да уж, терапевт, – фыркнул старичок. – Да о нем и слышать не хотят – так себя зарекомендовал. Смотри: поселение закрывает Вася, он знает, что делать. В зоне – Николай Павлович. На твою долю остается поселок и пару раз в неделю приемные часы начальника медчасти – жалобы жуликов разбирать. Что ты, в институте не учился? В поселке люди здоровые, если и заболел кто, так простудой, а против этого первое дело баночный массаж. Так что не тушуйся!

Сказал и уехал.

Как раз в это время Мишке опять дали квартиру. На этот раз однокомнатную и, по всей видимости, более теплую, чем та, что была раньше. Новый хозяин перенес туда свой красный чемодан и, раздобыв две кровати, установил их вместо мебели. Одну в кухне, другую в комнате. В наследство от прапорщика, закончившего службу, достались также стол и стул, которые, починив, можно было с успехом использовать в хозяйстве. Соседями же его стали – справа лесник, с морщинистым, как жеваным, лицом и узкими выцветшими глазами, живший с женой и сыном, несовершеннолетним наглым бандитом. А слева – одинокий пьяница, в минуты запоя бухающий в стенку ногами и выкрикивающий нехорошие слова.

Первым Мишкиным делом как и. о. начальника медчасти был врачебный консультативный прием в поселении. Ничего особого не случилось – одному прописал таблетки от поноса, другому от кашля, третьему, добывающему больничный, – больничный не дал. Потом был вызов к прапорщику. Как тот прапорщик объяснил, у его, прапорщика, жены болело в пузе. Ученый доктор помял мягкий теплый живот, почесал свою голову и прописал слабительное. После этого его долго не вызывали, никаких экстренных случаев не было, и довольный и. о. тихонечко получал зарплату главврача и ждал приезда начальника. Тут между делом позвонил Андрей, и Мишка рассказал ему, что остался вместо.

– Да моего уже полгода нет, – равнодушно ответил друг. – Я тут лечу. А на санитарство давно наплевал, это только ты у нас такой охламон...

Ну, что еще случилось за это время – где-то через месяц проклюнулся начальник санитарный, прислав письмо, что собирает на совещание. Что ж, ладно, поехал. На вокзале все так же стояли чахлые худые деревья, с трудом одевшиеся в слабый зеленый наряд с просветами. И дальше все знакомое – дома и мусорные кучи. Мусорные кучи, кстати, были местной достопримечательностью. Зимой они превращались в величавые монументы, постепенно, усилиями граждан, расширявшиеся с боков, а летом, медленно растапливаясь и теряя форму, расплывались по ближайшим окрестностям, привлекая и рождая тучи жирных гудящих мух. Обогнув пару таких творений рук человеческих, перейдя железную дорогу и балансируя по поставленным в грязи и лужах обломкам кирпичей, многопрофильный доктор вплотную приблизился к бараку санэпидстанции прямо к назначенному времени.

– А где Кузьмин? Кузьмина не вижу! – грозно спросил вместо приветствия начальник и, как-то неловко поперхнувшись, сказал: – ик.

– Ты ему, Кац, передай, – продолжил он с напором после некоторого перерыва. – Если он так будет относиться к своим обязанностям... Меня, видите ли, игнорировать вздумал! – вдруг возмущился главный санитарный неожиданно и даже стукнул кулаком по столу. – Так ты ему передай: выговор, выговор обеспечен! И тебе, тебе тоже выговор – какие-то несостоятельные жалобы в прокуратуру пишешь, потом на меня все ши-шишки... Нельзя так, это тебе не по Ленинградам рассекать. Туда свернул, сюда свернул.

К концу монолога вызванные коллеги явственно увидели, как главный устал за прошедшие выходные. Речь его все замедлялась, замедлялась. Пока не утихла совсем, и он махнул рукой, отпуская всех с миром.

На обратном пути Мишка сделал крюк и заехал к Андрею – Андрей веселился. В отличие от некоторых коллег-неудачников, он получил двухкомнатную именно с помощью горячей воды отапливаемую квартиру, и в ней сейчас происходил великий гуд. Мебели, включая кровать, еще не стояло, на полу лежали люди и бутылки, а сверху низко-низко висела невиданной красоты хрустальная люстра, купленная исключительно на трудовые доходы и по очень большому благу.

Многопрофильный доктор как вошел, так сразу и воткнулся головой в эту красоту. Люстра жалобно зазвенела.

– Еще раз тронешь люстру – убью, – сказал хозяин и поздоровался.

– А ты что? Поднять выше, в конце концов, не можешь? – разозлившись и потирая ушибленное, спросил гость и тоже поздоровался.

– Нельзя.

– Почему?

– Нельзя нарушать установленный порядок вещей, – переходя на свою обычную манеру выражаться, изрек местный двухкомнатный философ. – А то ведь многое в мире может измениться из-за этого.

И добавил:

– Выпить хочешь?

– Если не поднимешь выше – сломается, – упрямо повторил Мишка.

– Еще раз стукнешь – убью, – опять пригрозил Андрей. – На ночь останешься?

– Нет, поеду, я же этот, и. о.

– И-а ты, а не и. о. Чукча кучерявый.

– Точно, чукча кучерявый, – сказал кто-то с пола и захохотал.

– Я ему сейчас, наверное, в морду дам, – задумчиво сказал и.о.-и-а.

– А что, дай, мне этот дурак давно уже надоел, – неожиданно согласился хозяин люстры.

Но драться им не дали, растащили, дурака выперли из теплой квартиры, а два друга уединились в кухне.

- Там тебя на совещании обзывали, – вдруг вспомнил гость.
 – Плевать я хотел. Никуда им от меня не деться. Вот только одна мысль меня посещает – зачем я этот институт закончил?
 – Ну-ну.
 – Нет, смотри, работа: горшки в детском садике проверять – это раз, туалеты – два, столовки – три. Неплохо для мужика? *Я чувствую...* – Андрей взял прислоненную к стенке гитару и стал под перебор струн читать собственные стихи:

...как времени кисель
 Течет, бессмысленно переливаясь
 Из пустоты обратно в пустоту
 (сквозь наши тусклые умы),
 мне муторно, я от безделья маюсь...

- Так что ты предлагаешь? – прервал его собеседник.
 – Ничего.

...Твой пьедестал похож на плаху,
 Где ты и смертник, и палач
 А времени топор хлестнет с размаху,
 Ведь жизнь проходит – плачь, не плачь...

- А как же тогда люстра?
 – За люстру убью.
 – Мы пить будем или нет? – открылась дверь.
 – Да-да.
 Они вышли ко всем.
 На полу один рассказывал байку:
 – Сажусь в поезд, гляжу – смотрит. Ну, у меня сразу... Глазки-шмазки, подсаживаюсь... Тары-бары... Короче – всю дорогу...
 – Сколько я ездил, почему-то у меня никогда такого не было, – грустно, со вздохом позавидовал Мишка.
 – Не переживай, у меня тоже, – улыбнулся философ.
 Наутро, конечно, болела голова, и доктор, помаявшись, зашел к леснику.
 Лесник был человек обстоятельный: кроме жены и сына у него имелся служебный мотоцикл с коляской, собака – рыжая коми-лайка и домик-кухня, стоявший около сараев с дровами. В кухне этой всегда было уютно, полутемно, на стенах висели связки чеснока, лука в капроновых чулках и потрескивала дровами большущая печка, пышущая жаром. По долгу службы лесник все свое рабочее время проводил в лесу и там браконьерил, принося оттуда в рюкзаке битую птицу, а то и лосятину с медвежатиной.
 – На, – сказал он и пододвинул к соседу прокопченную черную сковородку с кусками жареного мяса. – Поешь, небось проголодался. – Налил в граненый стакан водку. – И выпей. Знаешь, как я похмелье лечу?
 – Нет.
 – Рюкзак на плечи – и в тайгу. А там пять часов иду без перерыва, пока в голове не просветлеет.
 – У меня на это здоровья не хватит.
 – Не хватит, – согласился лесник. – Хлипкий ты. Жидковат. Вот в наше время...
 «В наше время» человек с морщинистым лицом отсидел двадцать пять лет за преднамеренное убийство. А потом, как многие другие, после больших сроков отвыкшие от нормальной жизни, остался в этих, таких знакомых, местах, найдя себе легальный спокойный заработок.

Опохмелившись, Мишка вернулся домой с одной-единственной мыслью: лечь на кровать и накрыться одеялом. Но не успев даже снять ботинки, услышал стук в дверь. Открыл и увидел пьяницу-соседа.

– Что надо? – спросил (не любил он этого человека).

– Болит, – хватая ртом воздух, сказал сосед. – Сердце болит. Мать твою, ты что, посмотреть не можешь?

– Ладно.

Он взял стетоскоп и, зайдя в уютную голую квартиру пьяницы, стал слушать его сердце. Сердце билось слишком быстро и давало сбои. Давление было понижено.

Мишка дал валидол – не помогло. Сделал укол кордиамина – не помогло.

– Болит, – простонал человек и весь покрылся потом. – Как болит, сука. Делай же, делай что-нибудь!

– Сейчас.

И. о. начальника медчасти поднялся и позвонил в центральную больницу. Рассказал.

– Привези его, – ответили оттуда.

– Каким образом?

– Тепловоzem. Через станцию договориться надо. Тогда пришлют.

Тепловоз подошел к часу дня. Больного погрузили в грузовик, и грузовик поехал по бетонке, подпрыгивая на выбоинах.

Подъезда к перрону, конечно, не существовало. Они под мышки вытащили стонущего человека из кабины, положили на носилки и понесли бегом. Водитель матюгался беспрестанно. Медсестра, которую Мишка взял с собой, бежала рядом и зачем-то держала за руку лежащего. Когда до теплового осталось совсем немного, больной приподнялся на локтях, повернул голову, как бы пытаясь посмотреть, куда несут, что впереди, и вдруг, захрипев, упал и закатил глаза.

– Стой! – завизжала медсестра, и одновременно с ней закричал сзади врач.

Носилки положили на землю. Он ввел адреналин. Без изменений. Начал делать закрытый массаж сердца. Не помогло. Вдувал воздух в холодеющий рот. Напрасно. Все было напрасно. Человек умер.

Труп вытащили на открытую платформу теплового и поехали. Дул холодный ветер, и низко висело серое небо. Все заботы кончились. Медсестра поплакала и перестала. Молчали всю дорогу. Умерший на резких поворотах катался на носилках от края до края, и носилки надо было удерживать рукой. Лицо ушедшего было спокойно, глаза закрыты, казалось, он все всем простил.

По приезде их ждала скорая.

– Что, умер? – удивился человек в белом халате.

– Давай тогда в морг! – крикнул шоферу.

По пути захали в универмаг – торопиться было некуда.

Потом Мишка сидел в вестибюле больницы и писал справку на тетрадном, в клеточку, листе бумаги, списывая из справочника правильные названия лекарств.

От квартиры соседа остался у него ключ, который он, как и положено, сдал в хозчасть. Говорили еще, что вроде бы приезжал сын умершего, грозил судом, но все так и затихло. Квартира долго стояла пустая. Сидорович вернулся. И Мишка сдал ему бразды правления, чтоб больше никогда не брать.

А вообще после этого случая ничего не изменилось. Все так же ходил на работу и в баню. Лето прошло. Отпуск так и не дали. Потихонечку стало забываться. Ко-

гда-то, в Ленинграде, он спас человека. А вот теперь... Так что перед Богом 1:1. Что еще? Схлестнулся с Анной Ильиничной, когда, вздумав взвешивать котлеты, увидел их несоответствие весу, указанному в меню. Обидел майора, заместителя по быту, написав в газету «Наш край» про загаженную стоками уборных местную речку. Карикатуру нарисовал в «Комсомольском прожекторе» на начальника зоны. И так далее, и тому подобное, и так далее.

– Все бушуешь? – кричал Андрей в трубку. И декламировал:

Совесь, совесь, злобная сука,
Гложет души заскорую кость...

Это все Фрейд, Фрейд! По Фрейду играешь... Сублимация!

Мишка молчал, не споря.

Из этого состояния его вывел Коля.

Коля был новый сосед, веселый и толстый. В первый же вечер он зашел к еще совсем незнакомому Мишке и, очень критически на него посмотрев, сказал:

– Давай бороться?

– Че-го? – удивился тот.

Но Коля, не слушая, растопырил руки и стал совершать обманные движения. Отступал, наступал, потом вдруг схватил Мишку поперек туловища, бросил на пол и там прижал.

– Сдаешься? – спросил.

– Сдаюсь, сдаюсь, – пропыхтел. – Да отпусти же, чёрт!

– Вот так.

Донельзя довольный собой, Коля встал с Мишки и похвастался:

– Сильный я, правда?

– Уж такой сильный... Да сильный, сильный, не лезь ты, ради бога!

Стал отряхиваться:

– Кто ты вообще такой?

– А прораб, – ответил толстенький. – А ты кто?

– В медчасти работаю.

– А что ты умеешь делать?

– Как это?

– Ну, ну кроме работы? Вот я, например, сажаю человека на табуретку и в зубах ношу, а ты?

– Я? – Мишка задумался и растерянно признал: – Ничего не умею...

– Ну, это пока, научу...

Коля покровительственно похлопал соседа по плечу.

– Тепло у тебя. Я, пожалуй, отдохну тут, – и протянул руку: – Коля я. Выпьем за знакомство. У тебя водка есть?

А тут вдруг Сидорович сломал руку. Поспорил с Вит Дор Бор, что отожмется тридцать раз от пола, и действительно отжался. Во время последнего рывка что-то в руке хрустнуло, и теперь Мишка имел обязанность варить ему по вечерам картошку и жарить лук на сковородке, чтоб ту картошку заправить.

В квартире докторской было вечно холодно, и начальственный старичок в своей неизменной вязаной шапочке с помпончиком, сигарета в зубах, рука перевязана, барином сидел за широким столом, покрытым газетами, и, ожидая ужин, играл сам с собой в шахматы. Время от времени крича в кухню:

– Скоро ты там или нет! Спирт стынет!

Кстати, из-за этого происшествия Вит Дор Бор почти неделю чувствовал великие угрызения совести. Доходило до того, что, приходя в гости к начальнику, он приносил не спирт, а честно купленную за четыре семьдесят андроповку.

– Ну, если б зуб, – говорил. – Вылечил бы. А так... Вздыхал и пожимал плечами.
– Хорошо, что не зуб, – тихо смеялся Сидорович, вспоминая, как Вит Дор Бор с большой кровью и сильно напрягаясь, выдрал у обратившегося к нему Комкова один...

А через час по знакомой боли Комков обнаружил, что не тот. Услышав о своей ошибке, Вит Дор Бор немедленно удрал в Сыктывкар и сидел там неделю, пока у оперативника не прошло озлобление.

Вообще, пока Мишка находился на Севере, умерло три царя. Бывают такие периоды – происходит что-то вокруг, происходит, бурлит. И все как-то мимо. Во всяком случае, на жизни поселка это никак не отразилось. Правда, при Андропове люди в шинелях вроде бы воспряли духом, но это быстро прошло с его смертью.

Теперь так:

– Михаил Семенович, – сказала новая медсестра Оля, – вы куда это направляетесь?

Мишка растерянно остановился:

– А что?

– Да ничего, идите-идите...

Голубые глаза смотрели почти серьезно.

Потоптался на месте и пошел.

– Михаил Семенович, – на следующий день, – а вы не можете мне помочь ту тележку с амбулатории подтащить...

– Ну конечно.

Подтащил...

– Михаил Семенович, а сколько вам лет?

– Двадцать три.

– А я старше, мне уже двадцать пять. Вы что, так и живете один? Совсем один?

– Да.

– И женат не был?

– Нет.

– А я вот не могу одна, – вздохнула грустно. И спохватилась:

– Ой, вам же идти надо! А я задерживаю...

– Ну...

– Нет-нет, это так серьезно, это ведь так серьезно...

Вдруг приподнялась на цыпочки и сказала очень торжественно:

– Зона ждет, товарищ, все так на вас надеются.

И, не выдержав, расхохоталась.

– Ой, мой больной идет, УВЧ буду делать, физиотерапия называется. Я здесь, я здесь, – закричала и махнула тому рукой.

Мишка вышел из медчасти и поплелся действительно в зону, бурча про себя:

– Все так на вас надеются, все так на вас надеются...

В зоне, в амбулатории, доктор-санитар застал вконец растерянного Сидоровича.

– Получили сорок метров линолеума, – сказал Сидорович, – такой красивый. Я уже прикидывал, как в больничке постелить, а теперь не хватает – украли.

Мишка возмущился:

– Вот жулики, вот жулики! И ведь это не первый раз! Помните, в прошлом году стекла оконные сняли. И так быстро – вечером были, а утром нет. А санитар, морда, и тогда клялся: «Ничего не знаю, ничего не знаю...»

В надежде обнаружить линолеум умный доктор побежал по отрядам, заглянул в баню, клуб – нет линолеума. По дороге встретил Комкова.

– Чего бегаешь?

- Да вот, линолеум украли.
- Нашёл?
- Нет.
- И не найдешь.
- Почему?

Мишка остановился от удивления.

- Так ведь я взял. И замполит, и зам по режиму. И Седов тоже. Вопросы есть?
- Нет. Даже совсем нет.
- Молодец.

Спецдоктор вздохнул и пошел к Сидоровичу.

– Сидорович, – сказал, – я придумал, что делать с остатком: постелите его себе в кабинете.

На обратном пути зашел в медчасть. Оли уже не было. Сел за стол и подергал за ручку сейфа – у него было постоянное поручение от начальства проверять, закрыт ли сейф, и стал смотреть в окно: вот «газик» проехал, наверное, в поселение, больше некуда. МАЗ прогромыхал с боланами – на нижний склад; жена бывшего комбата прошла – интересно, куда метётся?

Телефон зазвонил, Мишка очнулся и поднял трубку:

- Алло?
- Привет, это я.
- А, Андрей...
- Как жизнь?
- Да вот, жена комбата пропилила куда-то, ты не знаешь, куда?
- Дурак ты все-таки. А если не хватает – это надолго...
- Люстра висит? Жадный ты, собственник...
- Висит.
- Что-то случилось, Андрей?
- Да нет, вроде все нормально, поговорить захотелось...
- А-а-а. Я тут, кстати, твою соседку по новой квартире видел. В Викуне случайно. Она действительно красивая.
- Это да. У нее глаза, как небо...
- Хорошее сравнение.
- Быть может, быть может... Но, к сожалению, очень холодное небо...

А через неделю Мишка собрался ехать к болгарам за продуктами. Не то что сильно так уж нужны были, просто ему хотелось посмотреть. Когда вышли на станции, он ахнул, увидев почти забытое – несколько девятиэтажек и настоящий асфальт между ними. Болгары устроились комфортабельно – была центральная котельная, которая и отапливала дома, школу, спортзал и маленький магазин – средоточие мясных, рыбных, овощных консервов, в том числе и знаменитых, давно экспортируемых в Союз помидоров в томате. Ночевать пошли в девятиэтажки. Внутри они оказались набитыми людьми, как те консервы рыбой в магазине. Орала магнитофоны, пилаась противная болгарская водка без закуски, столбом стоял сигаретный дым, спать было некогда. Мишка познакомился с одним парнем, который без особых раздумий немедленно пригласил его к себе в Болгарию. В основном это были, конечно, молодые ребята, тяжелым трудом в чужой стране зарабатывающие деньги. Лес отправлялся к ним, на Балканы. Рядом с поселком имелся небольшой деревообрабатывающий комбинат имени одного из их великих коммунистов, куда по утрам они уезжали на автобусах работать. Как-то все было без охраны, даже странно... Вернувшись, Мишка поделился с Сидоровичем:

– Знаете, – сказал, – а ведь они почти по-человечески живут. Почему у нас так не получается? Так просто – построить нормальные дома... Работаем одинаково, а живем совсем по-разному...

– Тебя в штаб вызывают, – уклонился от ответа старичок. Но вызывали не только его – ломался график вывозки леса, и начальник штаба решил усилить контроль за вывозящими лес поселенцами, а для этого посадить чуть ли не в каждую машину по наблюдателю, чтобы делать хронометраж и докладывать о состоянии дороги. Вот он и собрал всех, по собственному выражению, отдыхающих и объяснил задачу.

– Не буду, – громко объявил строптивый Мишка. – Ничего в этом не понимаю, поэтому не буду.

Но «хозяин», не обращая внимания, закончил свою речь и всех распустил. Мишке приказал остаться.

– Ты мне надоел, – сказал прямо. – Моя б воля, вышвырнул бы отсюда вверх тормашками. Ломаешься, как баба, лезешь везде... Не поедешь – будет выговор Малявину за то, что не справляется со своими обязанностями, руководить персоналом не умеет. Да и вообще, у меня давно есть кандидат на его зарплату...

В девять часов вечера Мишка заступил на дежурство. Пришел в диспетчерскую, где толпились водители, стояла рация, а на стенах висели старые, подбадривающие казенными словами плакаты, и оттуда, получив своего поселенца, уехал.

Вывозка для новичка оказалась делом интересным. Лесоповальные участки находились далеко, за тридцать-сорок километров (все качественное поблизости было уже вырублено), и шофера успевали делать лишь по две-три ходки за смену. Не видно было ни зги, гигантская машина мчалась вперед, освещая мощными фарами две узенькие деревянные скрипящие полосы, бросая свет далеко вперед, на весь ночной лес, натужно гудя мотором. Из динамика раздавалась переключка, наконец, добрались и до Мишки:

– Как дорога?

– А я откуда знаю, – сказал хронометрист. – Машина едет.

Раздался смех, и больше его ни о чем не спрашивали. На лесоповальном участке подъезды к лыжневке были освещены прожекторами. Кругом копошились люди, лежали складированные боланы, ездили трактора, таща за собой из глубин леса голые деревья. Пахло свежесрубленной зеленой жизнью, хвоей. Машину загрузили, и её прицеп тяжело осел на колесах. Обратная дорога пролегла в промзону. Раскрылись колючие высокие ворота, проверка, опять ворота, и вот: нижний склад. Земли нет, вместо нее утопанные горы опилок. Зацепили тросами груз, и пошла крутить лебедка. Боланы рухнули на землю, и на них накинута люди с бензопилами и крючьями. Распиливаемое дерево визжало.

Утром, уставший от бессонного сиденья, Мишка отдал листок с записями в диспетчерскую и поплелся домой. Уже было холодно, и ноги, обутые в легкие ботинки, ощутимо мерзли.

– Как вывозка? – спросила Оля на следующий день.

– Дорога была хорошей, много успели, – важно ответил.

– А машина ехала? – звонко расхохоталась. – Я от мужа слышала, теперь это как анекдот по поселку.

Хронометрист надулся.

– Ну ладно, Миша, не обижайся, я ж не хотела...

– Да я и не обижаюсь, – отмяк быстро. – Что делать, если я ни бум-бум в этом...

– Сидорович идет...

Они посторонились. Главный с любопытством взглянул на двоих сквозь очки, сказал «гм-гм» – и пошел дальше.

– Давай к нам, – предложил Мишка. – Начальство ушло.

– Пойдем...

Они устроились друг напротив друга.

– Оль, а ты откуда вообще?

– Я разве не говорила? С Вологды. У нас там полдома и огород есть. А ты с Ленинграда, правильно?

– Да. Знаешь, я вообще-то на Украине жил, а вот учился в Ленинграде. И теперь всем говорю – с Ленинграда.

– А я там так и не была.

– Хороший город... Замолчали.

– Тихий ангел пролетел, – шёпотом сказала Оля. – Слышишь? Слышишь, как крыльями шелестит?

– Слышу, – ответил. Тоже шёпотом.

...У Оли русые, завязанные в косичку сзади, волосы, лоб чистый, открытый, в голубых глазах бегают смешинки. Она смотрит на Мишку, чуть хмуря брови, почти серьезно, руки локотками на столе, щеки упрятаны в теплые ладони.

Вздохнула:

– Пойду я, Мишенька, надо сына с садика забрать.

– Давай я тебя провожу?

– А не боишься? – в глазах опять запрыгало. – У меня ведь муж начальник. Ревни-вый...

– А ты?

Фыркнула:

– Я-то нет.

Собралась.

– Вначале зайдём в магазин, ладно? Мне надо хлеба купить.

8

– Я лечу над проклятой землей, термолем застегнут на ходу... Мой «Фантом», как пуля, быстрый, в небе голубом и чистом с ревом набирает высоту...

– Андрей, ну дальше, ну что-нибудь!

– Вижу голубеющую даль, красота такая – просто жаль, вижу я как Эдвард с Бобом...

Останавливается...

– Са-а-зрели вишни в саду у дяди Вани, у дяди Вани са-а-зрели вишни!

Андрей любил петь и безобразничать.

А тут еще причина – день рождения. Поэтому отмечать начали серьезно – с понедельника. В четверг выползли на улицу – навстречу шел майор (лектор по международному положению). Его официально пригласили, и он прочитал лекцию про Израиль, Афганистан и нашу партию. Именинник задал некорректный вопрос, и майор полез драться. Но драчуна ловко кинули через правое бедро, и Андрей, загоревшись примером, решил всем собравшимся показать карате. И так как никто снарядом быть не захотел (добровольно), а в дверь всунулся ничего не подозревающий, только что пришедший длинный Шурка, Андрей попробовал ударить его неожиданно «рукой льва», промахнулся и, защищаясь, сказал, что он не он, а великий Киромори Оцука. Потом упал и заснул.

В пятницу доктор пил с замполитом, замом по режиму и замом по быту. Когда спирт кончился, спросил:

– Выпили? Все выпили? Да? А теперь проваливайте отсюда к чертовой матери, а то я вам головы пооткусываю...

Встал, вышел на свет, больно ударивший в глаза, остановил тюремную машину и стал разезжать в ней по поселку. Пока опоенные им водитель и машина не врезались в центральную, самую большую уборную (яренгскую достопримеча-

тельность с резными окошками). Кинув поломанную, валявшуюся вверх колесами, неинтересную игрушку, пьяный доктор в обнимку с бывшим шофером задумчиво шел по главной улице, пока не встретил главного начальника.

– Все пьете, Кузьмин? Когда прекратите? – грубо спросил начальник.

– Да еще дня два-три – и все, у нас с этим строго, – держась в рамках, учтиво ответил молодой специалист. И посмотрел на начальника мутными глазами.

Остаток дня все кричали, дрались и ожесточенно ломали единственный оставшийся в живых стул в докторской квартире. Андрей шумел больше всех. Потом притих, сел в сторонке и заплакал.

– Андрюша, что с тобой? – остолбенев, спросили товарищи-собутельники.

И тогда Андрей произнес знаменитую впоследствии, распространившуюся по всем секретным поселкам учреждения М-199 фразу:

– Мне скучно.

К приезду Мишки уже все закончилось. Андрей без сил лежал на кровати и с трудом курил, держа сигарету дрожащими пальцами.

– Слышал, слышал, как ты тут развлекаешься... – ехидно прокомментировал состоявшееся событие можский доктор. – Киромори Оцука, тоже мне...

Андрей бросил сигарету.

– Я знал одного знакомого, – промолвил задумчиво. – Под предлогом искреннего разговора он говорил гадости. И испытывал великое наслаждение при этом. Дай гитару? Спасибо.

...Облака плывут, облака,
Тихо, тихо плывут, как в кино,
А я цыпленочка взял табака,
И к нему коньяка полкило...

– Вот скажи! Ну, скажи? ...Для чего мы прожили треть жизни? – вдруг перестав играть, спросил.

Мишка пожал плечами:

– Так сразу и не ответишь...

– Да уж, откровение. Тут муза фальшивит... А ты – «не ответишь»...

...Снова похмелья свирепая злость,
Снова ненужные резкие строчки...

Нет, не то.

Мелькают холодно мгновенья,
Вот здесь ты прав, вот здесь предал...

Андрей грустно посмотрел на друга:

– Трудно сравнивать себя с гениями – чувствуешь диссонанс. Не-ет, это судьба. И не говори мне – судьба.

– Какая судьба?

– Никудышная: стихи не получаются, пить нечего, есть нечего, спать не с кем – судьба, – опять взял гитару:

И мы пошли со старым рюкзаком,
Чтоб совершить покупки коренные...
И ходики купили мы стенные,
И чайник мы купили со свистком...

- У меня до сих пор чайника нет, – сказал Мишка. – Коля мне дает.
– Да я не про тебя.

Ах лучше нет огня, который не потухнет.
И лучше дома нет, чем собственный твой дом,
Где ходики стучат старательно на кухне,
Где милая моя, где милая моя,
И чайник со свистком.

- Чего это ты завелся?
– Та-ак. Подумалось вдруг, думается зачем-то...
– Ох, и заносит тебя...
– Заносит... Конечно, заносит...

Под черным носом нашей бригаантины
Взошла Венера, странная звезда...

Всего лишь...

В дверь постучали. И вошли.

– Эй, – крикнул Шурка, – стилияги! А я опохмелиться принес, потом в банку сходим, попаримся.

Андрей оживился, его глаза заблестели, и переменял пластинку:

Люблю я летом с удочкой над речкою сидеть,
Бутылку водки с рюмочкой в запас всегда иметь.

Вечером, после работы, в медчасти никого нет. Медсестра и санитарный врач в кабинете Сидоровича. Целуются.

- Вот, – шепчет Оля, – теперь будешь всем рассказывать...
– Ну что ты, как можно... – обижается Мишка.
– Скажи, а если б я не была замужем, ты бы женился на мне?
– Конечно.

Олины глаза огромные. И из них даже куда-то пропал бесенок.

– Ну зачем, ну не надо, ну Миша, пусти!..

Вырвалась.

– С тобой уж и посидеть нельзя совсем...

В глазах опять мелькнуло. Или это только кажется? Потом он провожает ее до магазина. Оля покупает черствый хлеб. И Мишка за ней покупает...

– Что это вы... все вдвоем да вдвоем? – ехидно спрашивает продавщица. И, замирая, ждет ответа.

– Да любовник он мой, – честно признается Оля. И, пряча улыбку, принимает сдачу у растерявшейся, остолбеневшей женщины.

И начинает сыпать снег, Мишка идет к себе домой, приносит из сарая дрова и долго пытается затопить печку. Но спички, бумага тухнут и тухнут. Наконец, разозлившись, он отливает в банку спирт и плещет им на в который раз зажженную бумагу. Спирт сразу взрывается, и Мишка, ожёгшись, бросает банку на пол. Пламя мгновенно разбегается во все стороны, желтыми зубами впиваясь в крашеное дерево. Хозяин срывает одеяло, накрывает пожар, и только тогда, поднимая глаза, видит, что забыл открыть дымоход. Затапливает по новой и, думая о чем-то своем, улыбаясь, механически подкладывает дрова в оживающую печку.

Стук в дверь.

– Кто там?

– Это я, мальчик, – явно Колин голос.

– Какой ты мальчик! Ты пьяница.

Открыл, пустил.

Коля крутится по комнате, никак не может остановиться.

– Сними телогрейку, – советует Мишка. Он сидит с ногами на кровати и наблюдает за соседом.

– Пым-пым-пым, – поет Коля и телогрейку не снимает.

– А это что? – показывает на пол. – Горелый какой-то?

– Опыт со спиртом проводил, – опрометчиво говорит сидящий.

– А для меня, для меня осталось что-нибудь? Я тоже хочу опыты делать.

– Еще чего, я для ремонта принес, побелить.

– Ага, ты спиртом, значит, пол мазал, а теперь на стены переходишь, чтоб известка сильнее приставала, да? А бедному Коле-мальчику опять ничего нет?

Мишка смеется:

– Ну, достал, достал... Ладно.

Сели, дёрнули, закусили. Коле не сидится, он вскакивает, берет свободную табуретку и ставит ее на стол, прямо над сковородкой с недоеденной жареной картошкой и помидорами в томате – болгарским презентом.

– Садись.

– Зачем?

– Я же обещал.

– Не помню.

– Обещал, – упрямо повторяет Коля. – Садись, это же очень интересно!

– Ну, забодал, забодал, репей! Если уронишь – с тебя бутылка.

– Сам и выпью, – бормочет Коля. Мишка залезает на стол и спрашивает:

– Куда ногами?

– К окну.

– Боец чуть приседает, берет зубами табуретку, двигает к краю стола, при этом роняя сковородку, упирает две табуретки ножи себе в живот и, натужно сопя, приподнимает вместе с Мишкой. И так делает круг по комнате. Мишка с интересом оглядывает сверху пространство и уклоняется от накаленной лампочки.

– Хватит! – кричит. – Хватит!

Коля ставит табуретку с весом обратно, и на ее дереве четко проглядываются с обеих сторон вдавленные отпечатки полукружий его зубов.

– Что-то поесть захотелось, – говорит задумчиво. И поднимает с пола удачно упавшую сковородку с сохранившейся картошкой. – И почему у тебя так мало хлеба всегда?

После Колиного ухода Мишка еще раз проводит рукой по отпечаткам на табуретке, качая головой и удивляясь:

– Хорошие дела, ведь чуть было не прокусил, – думает. Тушит свет и ложится спать. Тикают заведенные часы, догорает, уютно потрескивая, печка, и от нее красные блики на полу.

Опять стук.

– Кто там?! Спать не даете? – кричит в сердцах.

– Открывай, это я!

Лесник. Лицо в крови.

– Что с тобой?

Лесник в ярости:

– Пойдем, быстро пойдем, надо его поймать.

– Кого?

Проклиная все на свете, одевается и выходит. На улице морозит, и в пустом небе светит круглая, ничем не замутненная луна.

– Смотрю, а он у меня колеса с мотоцикла снимает, – орет лесник. – Ах ты гад! Но я по-человечески... Не стал сразу... Что ж ты делаешь, говорю! Душевно так начал... У своего ведь ворует, кусочник! А он мне – поворачивается и кастетом. И ноги... Так вот – эта собака где-то здесь. Я их все точки знаю, мы его сейчас накроем.

Пошел. Как-то стыдно было отказываться – вроде как боишься...

Обидчика застукали в котельной: маленький мужичонка, лет шестидесяти. Пьяный. Стоит и остолбенело смотрит на вошедших. Глаза стеклянные, нулевые.

– А-а-а, – подскакивает к нему лесник. – Ты-ы-ы... Да я...

Тот становится боком. Лесник как-то быстро успокаивается.

– Ты его охраняй, а я пойду за оперативниками.

– Зачем? Дай ему – и хватит! – обалдевает от такого поворота Мишка.

– Не-ет, за мотоцикл он не так, он мне хорошо ответит...

Помощник плюет с досады:

– Ну, влип!

Выходит, подпирает дверь котельной валявшейся рядом доской и сразу повеселев от мысли, что решил проблему, начинает расхаживать рядом, засунув руки в варежки глубоко в карманы и подпрыгивая, чтобы согреться. И очень скоро уносится мыслями далеко-далеко, и забывшись, опять улыбается сам себе.

– Так, десять шаг вперед, десять шагов назад, десять вперед, десять назад, два... – повернулся и оцепенел: напротив стоял вор с занесенной для удара рукой. С зажатой в кулаке острым, длинным куском стекла. Нападавший дернулся, и в это мгновение Мишка ударил его ногой по руке. Попал и разбил стекло. Ударил второй раз – уголовник отскочил и загундосил:

– Начальник, да что ты, да я никогда, да ничего и не думал...

– А ну, быстро обратно, тем же путем, – приказал Мишка.

Тот поворачивается, с порезанной руки на снег капает кровь, и через слуховое окно лезет в котельную.

– И нужен же я ему был, – думает Мишка, дрожа от возбуждения. – Ведь мог уйти, я б и не заметил. Так нет, специально подкрадывался, хотел...

Приехал мотоцикл с прапорами. С него слез лесник. Мужичонку забрали, мотор долго не заводится, невыспавшиеся прапора матерятся на морозе.

– Ну, пошли? – спрашивает лесник.

– Пошли.

– Спортом надо заняться, – засыпая, шепчет. – Не забыть бы... Спортом...

Не забыл. Попросил у директора школы ключ от спортзала, взял у Сидоровича тетрадку в клеточку и записал в ней: 23 декабря 1984 года.

Бицепс, левая рука – 32, правая рука – 31.

Трицепс, левая рука – 26, правая рука – 25.

Грудная клетка (в спокойном состоянии) – 92.

Живот (после умеренной еды) – 83. Подумал и переправил на 82.

Вечером пошел в ободранный, голый спортзал, зажег свет и, поежившись, разделся. Стал бегать, стал прыгать, бить руками воздух. И как настоящий каратист, как Киромори Оцука, кричал на выдохе «хы».

У Ленки появился хахаль. Высокий такой, красивый, с хорошей улыбкой. Только что отсидел срок и, устроившись вольнонаемным рабочим, сразу к ней и притерся. Теперь у Ленки целыми днями гремела музыка и пились крепкие напитки. Казалось, бог, наконец, заметил ее и дал ей человека. У Мишки продолжался роман с

Олей, а Галя-фармацевт надумала поступать в партию. Только этого ей не хватало. Муж имелся, дети росли, летом ездила домой в Украину, лекарства стояли рядами, всё в порядке. С любовником, правда, не получалось. Попыталась было влюбиться в прапорщика, так тот оказался пьяницей и сукиным сыном — так ничего и не понял. И вот теперь — партия. Утром, на политинформации, замполит поднял Галю и стал читать ее характеристику: и такая она, и сякая, и общественной работой занимается... Потом спросил:

— Кто хочет сказать слово?

Наступила заминка, никто долго не вставал, и Галя медленно начала краснеть. В образовавшейся тишине выскочил Мишка, замполит с недоумением сказал: «Да». И Мишка признался, что почти любит фармацевтку. Вслед начали выступать другие. Когда «прием» закончился, Галя подошла и, как уже полноценный кандидат, важно поблагодарила:

— Спасибо, я вообще-то заготовила людей, но — спасибо.

В медчасти Оля отреагировала просто:

— Ну и пижон же ты, Мишка, палочка-выручалочка, тоже мне...

Выручалочка сделал сердитое лицо, растопырил руки и, неожиданно прыгнув ближе, обнял и поцеловал.

— Пусти-и-и, Ленка идет!

Ленка с торжествующим видом ворвалась в кабинет физиотерапии: Мишка стоял около окна и старательно туда смотрел, Оля, улыбаясь, возилась с УВЧ.

— Опять пропустила! — хлопнула себя по бокам. — Ну куда это годится: подкрадываюсь-подкрадываюсь — и ни фига не вижу!

— Тактику менять надо, — у Оли в глазах засияли смешинки. — Может, что и получится...

Ленка повернулась и понуро вышла из комнаты, но не ушла, а затаилась за дверью. Но терпения у этой непоседы не было совсем, через минуту она всунула внутрь голову и, не увидев ничего достойного внимания, негодуя фыркнула и, с треском захлопнув дверь, покинула медчасть.

— Чистый, чистый УВЧ, — сказал Мишка, — хватит...

— Да уж, кругом ведь микробы, куда ни кинься — микробы, вот у тебя... Ой! Ну что ты делаешь?! Руки небось в микробах, а ты меня еще и трогаешь ими... Безобразие какое!

Новый год. В клубе. В прошлом году клуб был закрыт, так как прапора и водители устроили за неделю до праздника грандиозное побоище, но счеты так и не свели, пообещав друг друга до-достать именно 31 декабря. Оценив ситуацию, начальник испугался жертв и на клуб повесил чугунный замок, отменив совместное гуляние. Но с тех пор прошло время, страсти улеглись, и в этом году вечер тридцать первого объявили открытым. Уголовников загнали в зону и поселение, чтобы не высывались, зал вымыли, убрали стулья, зажгли много света, на сцене установили ударник, колонки, туда поднялись прапора с электрогитарами и на все сто врубили музыку. Народ приходил уже подготовленный — крепко выпившие мужики в шинелях и телогрейках и их, тоже выпившие, раскрашенные по-парадному, румяные от мороза жены. У штаба воткнули в снег огромную елку, обвинив ее редкой проволокой, по ходу которой горели потерявшиеся среди могучих ветвей разноцветные лампочки. Горка ледовая рядом — дети на санках. И тишина. Снежная баба, нос морковкой, в небо смотрит, звезды считает. Клуб. Оттуда смех, музыка, у входа курят. И во всех домах светятся теплом и ожиданием окна.

Пришла Оля. Глаза чуть подведены синим и помада неяркая.

— А муж где? — удивился Мишка. — Почему ты одна?

Губы дрогнули:

— В поселение поехал, наверное, пьет там. Давай уйдем отсюда?

– Давай.

Вышли.

– А куда мы?

– Ко мне.

– А разве можно? – вырвалось. – Сейчас?!

– Когда мужа нет – можно. Ну что ты, неужели испугался?

– Да нет.

Оля открыла ключом дверь, сразу пахнуло теплом, уютom. Зажгли свет в прихожей, сняли обувь.

– Так тепло.

– Тепло. Потому что я дома. Давай тихо, ладно? Сын уже спит, я сейчас дверь к нему прикрою, и можно будет включить музыку, он обычно хорошо спит.

Снег кружится, летает и тает

И, поземкою метя,

Заметает зима, замедает,

Все, что было... до тебя.

Взялись за руки, но танцевать не стали, остановились.

– Миша, вот мы здесь, а ты... любишь меня?

– Да.

– Как здорово. Знаешь, ведь ты как спал. А я... хотела тебя разбудить.

– Мне кажется, у тебя получилось...

Посмотрели глаза в глаза и потянулись друг к другу.

Дома бушевал Коля:

– Где это ты пропадаешь, Рыжий? Мы уже вторую допиваем, а тебя все нет! Смотри! – обратился к человеку рядом. – Какой парень! Друг мой, в медчасти работает.

Человек медленно улыбнулся:

– Ну, будем знакомы – Алексей.

Перед Мишкой находился Ленкин хахаль. В наглых глазах его сидел смех, руки были неуловимы. Одно мгновение, и он вытащил из заднего кармана Кольки записную книжку. Колька был счастлив.

– Хочешь, я тебя на табуретке поношу? – предложил.

– Нет, – сказал хахаль, по-прежнему улыбаясь. – Некогда. Я на поезд, в одно место дернуть надо. Покедова, ребятки.

Ушел.

– Кольчик, а где ты раньше работал? – спросил Мишка.

– А везде.

И стал перечислять.

– Я как ветер, на одном месте не сижу.

С тех пор прошел месяц, прошел другой, и Андрей собрался поехать в отпуск – осталось достать деньги. И тогда он придумал штуку: без зазрения совести опять, как при люстре, использовав свое служебное положение, по блату, в рассрочку купил румынский, полированный светлым лаком, спальный гарнитур и в тот же день, немедленно, продал его за наличные соседу.

Теперь деньги были, и можно было ехать на побывку.

– Давай со мной, заодно вина попьем... – пригласил.

– Да меня не пускают.

– Плюнь, еще год им от тебя не деться, отсюда даже в Афган не попадешь, я пробовал.

– Как это у тебя легко получается, туда-сюда, а я, между прочим, потом полной ложкой хлебаю.

– И ты мне позавидовал? Друг?! Да, я поэт! У меня жизнь другая, и люди видят, а ты стареешь. Раньше б такого не сказал.

– Сам ты стареешь!

Мишка очень обиделся и повесил трубку.

В отпуск он не поехал, зато отправился с Колей в Усть-Илимск, куда Коля получил командировку.

В Усть-Илимске трезвых не было. В Усть-Илимске был сплошной кошмар. Мишка спрашивал Колю – в чем цель командировки, но разумного ответа так и не добился. Коля, в унтах и потрепанной шапке с болтающимися заячьими ушами, расхаживал по поселку, находил каких-то случайных людей, тащил их в гостиницу, где они остановились, и знакомил их со своим другом Мишкой, замечательным парнем, что в медчасти работал. В этот раз он приволок какого-то эмвэдэшника и усадил за стол. Эмвэдэшник имел звездочки старлея и двухдневную серую щетину на лице. Добавив пару грамм к тому, что уже находилось внутри, он загорелся желанием сделать из Мишки и Кольки младших оперуполномоченных, так как вакантные должности присутствовали, а желающие занять их отсутствовали. Коля сразу отказался, заявив, что ему как прорабу командировочных платят больше, Мишка же согласился без оглядки и охотно поддакивал, слушая. В общем, они договорились назавтра встретиться в восемь утра и совместно смотреть дела. Старлей поднялся, отдал, покачиваясь, честь будущему коллеге, пожал руку Коле и нетвердыми шагами вышел из комнаты. Потом было слышно, как он загремел вниз по лестнице. Следующий, в гражданской одежде и галстук, оказался работником КГБ. Этот с собой работать не приглашал, но Колину водку пил охотно.

– Как, как попасть в КГБ? – спрашивал Мишка.

– Сознание надо иметь, – отвечал круглолицый. – Наш учитель Дзержинский... И замолчал.

– Но все-таки? Как? – не отставал тот. – Допустим, я хочу!

Круглолицый смотрел искоса и нехотя объяснял:

– Надо закончить школу КГБ, пять месяцев – и ты настоящий солдат.

– А как, как попасть в школу? – цеплялся как репей Мишка и наливал до краев.

– Характеристику хорошую надо получить. Вот я – был водителем у капитана, он дал мне характеристику, поступил в школу, закончил. Сейчас я уже... – Тут он споткнулся, замолчал, попросился в туалет и там пропал, не вернувшись.

– Плохой человек, – сказал Коля. – Скользкий. Я б его на табуретке никогда не носил.

Вернувшись, услышали новость: арестовали Ленкиного любовника. Оказывается, он ездил и грабил в поездах и на станциях людей. Оперативники нагрянули с обыском к Ленке и забрали все новые вещи, все подарки, которые тот дарил. Следствие длилось недолго, хахаля судили и посадили, отправив в далекую от Можского «командировку». Ленка плакала-плакала, все глаза проплакала, потом выкрасила их в густо-черный цвет и вышла на работу. На политинформации замполит обвинил ее в пособничестве бандитизму и в слишком, по его мнению, свободном поведении. Зал засмеялся одобрительно. Ленка не выдержала, полились её горькие слезы, и черная краска потекла с ресниц, размазываясь по щекам. Смеялся Седов, смеялся Комков, смеялись лейтенанты и капитаны и улыбались, переглядываясь, их служащие в штабе жены.

– Прекратите! – крикнул Мишка. И встал.

– Это еще что? – удивился замполит. – А-а-а. Это наш санитарный...

– Отвратительно лезть человеку в душу!

– А принимать бандита – это не отвратительно?

– Его судили, а она ни при чём.

– Так-так. Еще, значит, один... Защитничек.

В зале опять засмеялись.

– Нет-нет, товарищи, мы это дело так оставлять не должны, еще не хватало в нашем поселке притоны делать. Это серьезный вопрос, товарищи. А этих двух я предлагаю – они еще остаются комсомольцами – разобрать их поведение на комсомольском собрании. Галина Алексеевна, обратите внимание, примерно разобрать, чтоб поняли!

И хахаль через месяц отличился, напомнил о себе, прислав письмо с зоны, угрожая, что если она когда-нибудь кому-нибудь даже руку пожмет, их большая любовь закончится трагически.

– Уезжай отсюда...

– Куда?

– Домой хотя бы, к маме.

– Меня никто не ждет, да и что я там буду делать, в деревне... А здесь квартира, работа, северные надбавки. Ничего, все образуется как-нибудь, Мишенька. Спасибо...

10

Прошло еще полгода. Ничего за это время такого уж удивительного и не случилось. Разве что убили Мишкину соседку по дому. Эта соседка, по кличке Селёдка, имела очень приличный, доходный бизнес, продавая водку. Это, конечно, не что-то особенное, продают водку и в Москве таксисты, но в Москве нет сухого закона. А в Можском и в таких местах, как Можский, есть. И та Селёдка получала с каждой бутылки прямо-таки изумительную прибавочную стоимость. Пока не убили – видно, у кого-то не хватило денег расплатиться. Вот так и погубила водка женщину, а жаль. Оперативники опечатали квартиру, и дело затерялось.

Тысячью нитей уголовный мир был связан с поселком. Где купить запчасти – у ээка в пожарке, где дрова – у ээка в промзоне, досочки красивые для кухни – это в цехе культбыта. Плюс передаваемые бесплатно слова, привычки, образ жизни. В Можском наибольшее количество проблем доставляли поселенцы. Конвойные худо-бедно сидели за колючей проволокой, и что бы ни происходило между ними – это происходило между ними. Поселенцы – другое. Они ходили почти вольно, появляясь иногда в самых неожиданных местах. Как-то Мишкина компания пила в одном доме, приспособленном под общежитие. И к ним присоединился лейтенант-пожарник, худой, робкий человек. Не выдержав уже после первых двух стаканов, он решил удалиться и вдруг наткнулся в коридоре на пьяного в грязь поселенца с сумасшедшими глазами.

– Ах, мать твою, – обрадовался поселенец. И ударил бедного лейтенанта от пожарной части в голову.

– А ну иди, позови еще кого-нибудь...

С трясущимися губами, весь бледный, с приобретающим цвет красочным фонарем, пожарник вернулся и прошептал:

– Там... зовут...

Не обратили внимания.

– Там... зовут...

И крикнул:

– Зовут!

– Чего? Кто это, мать его?

Лейтенант объяснил.

Двое водителей выскочили наружу. Первый упал, встреченный коридорным бойцом, но второй, вооруженный случайно завалывшимся в кармане кастетом, положил вояку на пол и там долго пинал его ногами. Пока не устал. А остальные

так и не отреагировали, а чего реагировать, когда не допили? Трагедии происходили, если уголовники встречали людей случайных, не знакомых с производственной обстановкой. В основном в переплет попадали родственники осуждённых, издаликая приезжавшие на свидания. Как-то раз был случай, когда и Мишку попытались напугать. Двое в поселении встали, один впереди, другой сзади.

— Ну, ты, на-а-чалник, — сказал тот, что впереди, с приплюснутым носом. — Еще раз увижу здесь, чтоб курево притаранил, понял?

— Ребята, — Мишка не хотел ссориться, — где-то в Киеве, в Минске, в вашем районе — дело другое, а здесь — стоит мне слово шепнуть кому-нибудь... Вон, кстати, Шмоняк идет, вы его знаете?

Одно время умный доктор подружился с неким жуликом, работавшим диспетчером на важном производственном участке и имевшем, при помощи очков создаваемый, весьма интеллигентный вид.

— Откуда ты? — спросил при знакомстве.

— Из Ленинграда, — отвечал диспетчер. — Так давно не был. Мне бы только Неву увидеть. На Ломоносовском постоять. Вот, через месяц освобождаюсь, поеду, такая тоска гложет.

Весь покорённый, Мишка пришел прощаться и крепко жал руку чувствительного ленинградца, желая ему удачи в пути.

— А корешок-то твой даже до Москвы не доехал, — с огромным ехидством передал потом весть Комков.

— Почему?

— Сел в поезд, выпил и пошел приглашать проводницу к себе в купе, но вот незадача — та отказалась. Предложил выпить — опять отказалась. Попытался влить в рот — не хочет, выплёвывает. Стал бить ее головой об столик — не желает. Тогда терпение совсем лопнуло, открыл окно и через него начал выкидывать эту вегетарианку, уж очень обиделся. Но тут сбежался народ, и ему помешали.

Еще один, особо чувствительный, с которым Мишка был в дружеских отношениях, имел должность санитаря. Хитрый был бестия до предела. Любимым рассказом его было — как он вдул Николая Павловича, подложив под руку кореша, делающего рентген, хороший гнутый гвоздь. И как потом доктор сказал: «Ах!» И как направил мнимого больного в больничку, и как исправно лечил там его почти неделю... пока симулянта не выгнал Сидорович.

В конце концов жулик выпросил купить у Мишки маленький телевизор за семьдесят ры, а когда санитарный, наконец, собрался уезжать, перестал почему-то замечать своего вольного друга, чем и подорвал доверие к себе.

Летом Мишку послали на сенокос. Сделали бригаду человек в семь, запихнув туда, кстати, и незабвенного Николая Павловича, и направили ещё дальше на Север Коми — в глухую деревню.

Располагалась деревня в красивейшем месте около реки, широкой, медленной, с песчаными желтыми берегами, чуть поодаль которой росла сосна. Устроились в старом, покинутом доме со скрипучими, поющими при каждом движении полами и огромной печкой, призванной обогревать, спасать от холода в дикие северные морозы. Рядом с домом находился колодец, откуда воду забирали журавлем. Вода была вкусная, сладкая, как с сахаром. Быть может, потому, что колодец был сделан по-старинному: со стенками из выдолбленного дерева, придающего особый, забытый вкус воде. Каждый такой особняк сторожили гордые собаки, коми-лайки. И в отличие от городских и можских пустобрехов, эти разговаривать не желали и цепей не носили. Мишка как-то попробовал погладить одного... и еле руку унес.

На следующий день после приезда бригада в пять утра, как и положено при сенокосе, встала и гуськом потопала к конторе сельсовета садиться на машину и ехать в поле. Но контора была закрыта, машины не было. Вернулись, опять пошли, опять вернулись. Первых крестьян увидели в девять, без особой охоты они подо-

дили по одному, курили, вздыхали и садились на крыльцо конторы, на разваленную поленницу рядом. Когда их набралось человек пятнадцать, подъехал небольшой грузовичок, мужики забрались в кузов и покатали на сенокос. Стоял голубой прозрачный день, и рыжее солнце хорошо пригревало сверху. Сено было уже собрано в скирды, и оставалось только взять в руки нагретые, отполированные чьим-то многолетним трудом вилы, вонзить, поднять охапку и забросить вверх, на прицеп трактора. Простая, извечная, понятная работа. Мишка работал с удовольствием, а вечером пошел в местный клуб. Сначала там показали «Москва слезам не верит», а потом устроили танцы. Коми оказались народом незлобивым и не обижались, если пригласить их девушку потанцевать. Но магнитофон, стоящий на полу, быстро охрип, заглох, и собравшиеся пошли по домам.

История случилась перед самым отъездом, поздно вечером, когда почти все улеглись спать. Мишка задержался в клубе, смотря очередное кино, и вернувшись, поднимаясь по лестнице, услышал сдавленный женский крик и шум какой-то возни, борьбы. Подошел ближе и оторопел: один из командировочных, механик, с которым он и двух слов не сказал за время командировки, весь красный, не похожий на себя, чуть ли не рыча, ожесточенно срывал одежду с какой-то пьяной, сопротивляющейся женщины.

– Вон! – крикнул механик, резко повернувшись на скрип. – Вон! Кому сказал!
– Отпусти.

Действительно отпустил, вскочил на ноги и, выхватив нож, бросился на Мишку. Но вдруг упал, как-то неловко покотившись, от неожиданного удара сзади. Это Николай Павлович, тихонько подкравшись, нанес ему свое знаменитое маваси.

Женщина, подхватив сорванную одежду, всхлипывая, убежала. Механик заскрипел зубами и поклялся отомстить. А Мишка, расчувствовавшись, пожал руку Николаю Павловичу и сказал, что очень уважает его. И как человека, и как каратиста. Высокие стороны подписали мир.

Механик потом, будучи к тому же еще и старостой группы, попытался пожаловаться начальнику штаба, что и санитарный, и лечебный плохо работали, но хозяин выслушал это равнодушно – галочка была поставлена.

А по поселку тем временем гулял хохот. Оказывается, все дело было в том, что Анна Ильинична имела одну слабость... всего лишь одну маленькую слабость к молодым уголовникам. Она приглашала их с собой жить, вкусно кормила и облегчала (по возможности) им существование под суровой пятой закона. К ней целые очереди стояли. И вот как-то, еще не уволив одного, Анна Ильинична, обнаглев, пригласила уже другого. Но старый друг вдруг жутко взревенчал и дал ей в глаз. Ну, за такое неслыханное изуверство его мигом посадили, а бедная изменница с переживаниями в душе и с сотрясениями в голове отправилась в больницу... Вот, оказывается, к чему приводят излишества!

А Мишка, приехав с одного сенокоса, немедленно попал на сенокос другой. Дело в том, что в закрытом учреждении М-199 существовало местное подсобное хозяйство в виде коров и свиней. И если со свиньями все было просто – они получали отходы с кухни и от этого жирели и размножались, то коровы требовали к себе более вдумчивого отношения, отвергая напрочь ошметки. Ведь именно коровы в долгие зимние месяцы давали такое нужное, необходимое маленьким детям, молоко. Так что дней десять-пятнадцать приходилось на лесных делянках, прыгая по мхам и закрывшись дождевиком от комаров, без особых размахов косить иван-чай и другую высокую траву. Потребителей этой травы можно было видеть иногда летом, когда они, бледные, худые, рогатые, выходили погулять в теплые, ясные деньки. Коровы, вздыхая, щипали траву толстыми губами, осторожно поглядывая на проходящих мимо занятых людей и негромко переговаривались друг с другом, посылая в воздух свое тихое, протяжное му-у.

Кроме собственно сена ходили также в лес и ломали маленькие зеленые веточки на корм братьям меньшим, так что на подходах к поселку все деревья стояли

ободранные. Один раз, после целого дня, проведенного за такими занятиями, капитан Злотников предложил искупаться, заявив, что знает озеро неподалеку. Все с энтузиазмом поддержали предложение и забрались в автобус. Капитан устроился рядом с шофером и стал показывать дорогу.

– Поедем по старой лыжневке, – сказал он. – Ближе будет.

Лыжневка действительно была старая. Трухлявое дерево ездило под колесами, автобус дергало, шофер сидел, чуть согнувшись, вцепившись в руль, и напряженно вглядывался вперед.

– А-а-а, черт!

Мимо не успевшего опомниться Мишки, сидевшего сразу за водителем, пронеслось, ломая, переворачивая сиденья, бревно, и автобус заглох. В установившейся тишине стало слышно, как что-то льется.

– Никого не тронуло? – осведомился Злотников.

– Нет.

– А что это капает? – спросил Мишка.

– Бензобак!!!

Все вылетели из автобуса. И тут он, как будто ждал, взорвался.

– Красиво горит, – сказал Злотников. – Хорошо, что дождь собирается, а то бы тушить пришлось. Ну, пошли, что ли, совсем недалеко уже.

11

Сидорович что-то погрустнел – ходил молчаливый, не похожий на себя. Перестал бегать по утрам до станции и обратно, валидол клал под язык.

– Что с вами? – спрашивал Мишка. – Может, полечиться надо?

Махал рукой:

– Пройдет. Всегда проходило.

– Из дома письмо получил, видно, плохое, – шепнул по секрету Вит Дор Бор, живший с доктором по соседству. – Подсмотрел случайно: когда читал, руки дрожали. А ты, кстати, уезжать будешь или остаешься?

– Уеду.

– Твое дело... Хотя – лучше оставайся, что там тебе делать?

Позвонил Андрей (они уже давно помирились):

– Давай в эти выходные на охоту сходим? Я ружье достал.

– А что – мысль! Только точно, как договорились...

Наутро, точно в назначенный срок, Мишка, обутый в Колины болотники, явился в Яренгу.

С собой охотники взяли:

Пять кило хлорки – отнести по дороге на вахтовый участок.

Ружье – стрелять.

Две удочки – ловить рыбу.

Мясо в уксусе – для шашлыка.

Водку – а без нее нельзя.

В этот чертов день солнце палило по-сумасшедшему. Впереди бодро шел Андрей, угрожая ружьем всему миру, и из-за плеча у него торчали удилица. Сзади, все более отставая, тянулся Мишка с хлоркой, провизией и водкой.

– Скоро вахтовый-то, а? – кричал.

– Скоро-скоро.

Проходило полчаса.

– Ну, когда вахтовый? Скоро?

Андрей поворачивался, разозленный:

– Ты когда зудеть перестанешь?

- Передохнем, может?
- Вот дойдем, там и передохнем.

И снова шагал вперед.

Только один раз он остановился. Когда Мишка дотопал поближе, оказалось, что главный охотник сосредоточенно смотрит вниз.

- Что у тебя там?
- Следы.

У края грязевого полотна дороги, будущего зимника, вдоль которого они шли и куда, в вязкую жирную глину, несколько раз уже соскальзывал своими идиотскими болотниками Мишка, действительно виднелись какие-то отпечатки.

– А чьи?

– Да в этом-то весь и вопрос, чьи. Если б я знал... – Андрей вздохнул и поставил ружье на землю.

– Ты б лучше удочки в руке нес, – посоветовал Мишка, – удобнее будет.

– Удобнее... – передразнил Андрей. – Что ты в этом понимаешь? Ладно, пошли, что ли?

– Пошли.

На вахтовый добрались лишь к трем часам дня.

– Ну и дурасть все-таки, – сказал взмокший донельзя, еле стоящий на ногах Мишка. – И зачем я согласился? Тащить хлорку – это ж специально думать надо?

– Пойдем пообедаем? – уклонился от ответа Андрей. – Зовут нас.

После обеда, который примирил не любящего поесть Мишку с обстоятельствами, друг стал объяснять дальнейший маршрут.

– Вот смотри, – говорил он и чертил острием ножа по столу. – Мы спускаемся, потом направо – и будет озеро. А на озере утки низко летают. Понял? Там мы переночуем в кустах, а утром они все наши.

– А ты точно знаешь, когда направо? – спросил другой охотник.

Андрей разозлился.

– Ладно-ладно, понял, идем туда, где утки низко летают.

В общем, вышли. Вниз, вниз, направо, опять вниз.

– Озеро уже близко, – сказал более опытный. – Вон, вода под ногами хлюпает.

– А где ночевать-то будем? Мокро ведь.

В природе темнело на глазах.

– Действительно, – Андрей задрал голову и, посмотрев вверх, решил:

– Поднимаемся, может, успеем найти сухое место.

– А я о чем говорю? Бежим!

Следопыты рванули, да так, что и след-то их простыл, и даже не отпечатался.

– Нашли, кажется, вроде сухо, давай палки собирать.

Андрей сложил из наструганных щепочек домик, обложил это дело ветками и зажег костер. Костер, разгоревшись, начал уютно потрескивать и посылать тепло в пространство.

– Я читал в одной книге: там разбойники находили толстое дерево и клали в костер, оно тлело всю ночь и согревало людей. Это как-то называлось по особенному – ладя, ланья? Давай найдем, положим?

– Да вот же рядом с тобой корневище, его и бросай, а рубить что-либо – все равно топора нет.

– Тогда давай ужинать.

– Давай.

Вытащили мясо в кулечке.

– А неплохо идет, – жуя, заметил Мишка.

– Я думаю... После такой ходьбы. Ну, разливай что там у нас осталось. И спать.

Завтра еще до озера топать.

Ночью Мишка почти не спал. Вставал, подкладывал ветки, ложился, поворачивался то спиной, то лицом, с одного бока было жарко, с другого мерз.

Андрей спросонья спросил:

– Чего вертишься?

– Холодно.

– А-а-а.

И заснул опять.

Утром пошли вниз.

– Сколько мы можем спускаться, все нет и нет, – удивлялся Мишка.

– Я думаю, уже скоро.

Наконец услышали шум.

– Оно! Утки! – Андрей снял ружье с плеча и стал подкрадываться. Крался долго, махнув рукой товарищу, чтоб отстал. Но вот дошел и застыл, оторопел.

– Что? Что?

– Река. Откуда здесь река?

– Ладно, – Мишка вздохнул. – Пошли назад.

– Не-ет. Я еще рыбу половлю.

Размотал удочку и, закинув леску, уселся на берегу. Сидел так час. Встал. И рванув удилище обратно, все порвал.

– К черту! Уж лучше охотиться.

Тем временем, пока рыба ходила мимо, солнце окончательно поднялось, стало тепло, и лес ожил. Тут как раз Андрей увидел ворону, случайно пролетавшую мимо по своим делам, и со злости немедленно выстрелил. Конечно, не попал, и ворона, плюясь от возмущения во все стороны, на всю округу крича о двух негодях с ружьем, быстрее замахала крыльями дальше.

– Белый охотник – плохой охотник, – ехидно заметил Мишка.

– Сейчас как врежу...

– Да, конечно... Пошли лучше домой...

– Чего вдруг?! – возразил строптиво. – Лучше ничего не можешь придумать?

– Могу, только это разве плохо?

– Вот только возьми тебя с собой, так... то домой, то передохнем, житья нет!

– Посмотрел искоса: – Ладно, пошли, – и уверенно показал рукой. –

Туда. Видишь, где столбики стоят?

В высокой траве, где-то на расстоянии метров десяти друг от друга, просматривались уходящие в глубь леса вбитые в землю колышки. На ближайшем к охотникам была краской намалевана цифра «20», на следующем – «19». И так далее, уменьшаясь.

– Наверное, по колышкам сможем до Яренги добраться? – предположил Мишка.

– Не знаю, не знаю...

Потихоньку на сердце начала накапливаться тревога. Навстречу все попадались муравейники и муравейники, сначала обычные, потом все больше, больше, пока не встретился один – в человеческий рост. Оба застыли. От муравейника к муравейнику текли бесконечные дорожки рыжих муравьев.

– Зря идем.

– Ну ладно...

Инерция толкала вперед. Дойдя до колышка с обозначением «один», они остановились: дальше не было ни столбиков, ни тропинок.

– Придумал, – сказал Андрей. – Надо искать ЛЭП. Это выведет нас.

Подняли головы.

– Пока нет.

– Пошли.

Нашли через час. Столбы линий электропередач тянулись один за другим в густейшем молодом березняке. Чтобы не потерять их, поперлись именно в этот березняк. И тут, как раз вовремя, начался дождь. И гром гремел, и молнии сверкали, и хлестал он с такой силой, с такой злостью, что, казалось, хочет пригнуть,

втоптать людей в землю. В сплошных струях воды, под градом бьющих по лицу упругих веток продирались сквозь чащобу. Не видно было ни зги. Очень скоро Мишка потерял Андрея. Добравшись до ближайшего столба, он забрался по железному перекладинам высоко наверх, пытаясь разглядеть, найти, где же друг, но ничего, кроме сплошного колыхающегося ковра, не увидел. Совсем рядом дрожали, прогибаясь под дождем, провода высокого напряжения.

Раздался выстрел, еще один – обрадовался, слез и побежал, преодолевая преграды. Бабахнуло опять, совсем рядом, и он увидел друга.

– Где ты пропадаешь?! – крикнул Андрей. – Я тут, понимаешь ли, ищу тебя, мокрый весь, как утка!

Березняк внезапно кончился, как только что, мгновением раньше, так же внезапно прекратил лить дождь. И перед охотниками, как из сказки, возникло огромное болото.

Мишка так и сел:

– Вот это да, как приятно! Ты знаешь, а обходить-то его – это еще дня два-три надо, я думаю... Какие будут мнения, товарищи?

– Живу я, как поганка... – горько ответил Андрей. И махнул рукой. – Прямо. Готов?

– Подожди...

Мишка сходил назад и приволок какую-то здоровую, длинную палку:

– Теперь я спокоен, можешь, кстати, взяться за другой край...

– Спасибо, я как-нибудь сам.

Болото плясало, мягко проседая под ногами. В небольших приветливых лужицах всплывали и с чмоканьем лопались пузыри.

– Скоро клюква будет, – задумчиво объявил Андрей в середине процесса прохождения, а кое-где и проползания. – Надо бы место запомнить, потом вернуться, собрать...

– Без меня, без меня... – Мишка тащил длиннющую неудобную палку и был очень зол.

Выбравшись, зажгли костер и растянулись около. Вечерело.

– Я бы поел...

– Да уж, обед всегда кажется вкуснее, если не завтракать.

– Спим, что ли?

– А куда деваться?

Наутро встали – птички поют, погода хорошая. Пошли. И вдруг услышали шум. Знакомый, проносющийся где-то совсем рядом.

– Поезд!!!

Побежали: менее чем через десять метров возвышалась насыпь железной дороги.

– Ты куда пропал? – спросила Оля на следующий день. – Я так волновалась...

– Да ничего, ничего, – вздохнул. – Заблудились немножко.

С Ленкой опять случилась неприятность. Не везло ей почему-то. В день своего рождения решила она собрать друзей и устроить хоть один раз в жизни настоящий праздник. Сказано – сделано. И вот – стоит уже на столе оливье-салат (правда, без горошка), капуста тушеная с зайцем (кто-то подарил имениннице дичь), водка, и шумят-гудят гости под музыку.

Ленка, с легкомысленным синим бантом на рыжей голове, со своими жгуче начерченными глазами, сидит во главе стола и яростно курит, размахивая руками и громко-громко смеясь. Потом вдруг кричит, при этом стуча облизанной для чистоты ложкой по бутылке:

– Алка! Алка! Тихо!
Гасит сигарету и умиляется.

Миллион, миллион, миллион алых роз
Из окна, из окна, из окна видишь ты...

– тянется с шорохами лента старенького магнитофона и воспроизводит на всю механическую мощностъ голос Аллы Борисовны.

– Кто влюблен, кто влюблен, и всерьез, – подпевает ей Ленка, смешно выпячивая губы, – свою жизнь для тебя превратит в цветы...

– А-а-а, – встречается Мишка. – Ну, сдвинули, стынет же! – и, заглушая Пугачеву, орет: – Миллион, миллион зеленых бутылок из окна, из окна видишь ты... И-эх... – и хлопает себя по бедрам.

– Ну зачем ты? – тихо говорит именинница. – Такую песню испортил...

– Да ладно, брось!

Она действительно бросает, зажигает новую сигарету, поднимает стакан и опять хохочет.

Но всему приходит конец, ночь заворачивает поселок в свой шлейф, и все идут домой, наткаясь на встречные столбы. Ленка, оставшись одна, обойдя стол с грязной посудой, выключает поработавший сегодня магнитофон и подходит к зеркалу. Молча смотрится, берет увлажняющий крем и пальцем мажет под глазами, пытаясь снять усталость. Неожиданно всхлипывает и хочет заплакать. Но слезы кончаются быстро, и она, обиженно шмыгая носом, выключает свет и ложится спать.

А наутро появляется в медчасти с иссиня-черным фонарем и разбитыми губами.

– Что случилось?

Машет рукой и идет в свою мастерскую.

– Ну что, что?

Нехотя, смотря в сторону, рассказывает: оказывается, какой-то излишне находчивый уголовник залез через окно и попытался изнасиловать. Она сопротивлялась, а он бил. Хорошо – стенки тонкие, соседи услышали крики и вызволили из беды. Вот такие дела. А переживать нечего – всё уже закончилось. И синяк пройдет – Сидорович сказал, что следов на лице не останется, а ему верить можно.

Появился Коля. Культурно так зашел. В два часа ночи (попробуй не пустить). И сел на табуретку со своими отпечатками.

– Ну? – спросил Мишка, сидя в своей излюбленной позе с ногами на кровати. – Чего скажешь?

Ничего не ответил Коля, выудил из-за пазухи бутылку и любовно посмотрел на нее веселыми маленькими глазками.

– Бухнем?

– Сейчас?

– А что? Никто и не мешает.

Мишка вздохнул, слез с кровати и приблизился к бутылке.

После первой Коля изрек:

– Хуже всего недопить. – И вытащил вторую.

– Ты что, обалдел?

– Так я ж уезжаю.

– Куда?

– А я разве не говорил?

– Нет.

– В Лабытнанги. Поезд, – Коля посмотрел на часы. – Два часа осталось.

– Чего, чего вдруг?

– А, надоело. Ткнул пальцем в карту, смотрю – Лабытнанги. Правда, название интересное?

Встал:

– Пойду к главному, уволюсь. – И потянулся.

– В это время!!!

– А что, у меня еще одна есть...

Мишка нацепил крючок на дверь и отправил себя спать. Но ненадолго: Коля вернулся и ходил ходуном в коридоре.

– Ну?

– Уволился.

– И он тебе ничего не сказал?

– Так я ж бутылку принес, все честь по чести.

Путешественник сел и стал сосредоточенно копаться в карманах. Выудил пятерку и критически посмотрел через нее на свет.

– Давай полтинник. У меня деньги кончились.

– Так ты ж не отдашь!

Коля обиделся:

– А тебе какое дело?

Мишка встал и дал деньги.

– Знаешь, а мне будет скучно без тебя, – признался.

Колю это поразило в самое сердце. Не в силах что-либо даже вымолвить, он нахлобучил на голову шапку, махнул рукой и направился к двери. Но вдруг, осененный, обернулся:

– Я придумал, – сказал. – Заведи себе женщину. И пей больше водку – здорово помогает.

Вышел. Но минут через десять, вернувшись с полдороги, постучал опять:

– Поехали, поехали со мной, вставай!

Но Мишка уже окончательно лег спать и не ответил.

Олиного мужа перевели. Не в Лабытнанги, конечно. Но далеко. Последнее время, кстати, она ходила какая-то вся напряженная, Мишка чувствовал, что назревает серьезный разговор, всячески пытался его избежать, но это не получилось.

– Я уезжаю, – подошла в конце дня. Тихо. И подняла глаза с надеждой.

– Жаль.

Он смотрел в сторону. Туда, где загибался и ходил волнами линолеум.

– Ты... ты не хочешь мне что-нибудь сказать?

– Ольчик, да все будет нормально, – и пошутил. – Весна пришла, и кончился твой срок... Помнишь песенку?

Олю передернуло, как от тока. Отстранившись, она растерянно посмотрела на собеседника и опрометью выбежала из комнаты.

На следующий день, утром, когда начальник медчасти и санитарный врач вместе сидели в кабинете, Сидорович, посмотрев на него поверх очков, нацепленных на самый кончик носа, сказал:

– Ольга в больнице. Приняла две пачки снотворного. Пришел муж, увидел, что она без сознания, меня вызвал. Ночью отправили.

– Я поеду?

– Не думаю, что она захочет видеть тебя.

Пожал плечами:

– История...

Вышел в коридор:

– А, Ленка, привет!

Та остановилась и выпалила со свойственной ей горячностью:

– И смотреть на тебя не хочу! Ты бы и со мной так поступил. Я надеялась, не у меня, так хоть у кого-то получится по-человечески... И не подходи ко мне! Уезжай? Так уезжай!

И вот, наконец, отъезд. Куплен билет на самолет, и целых три года бывший в употреблении в этом сказочном месте санитарный врач едет в Яренгу взять Андрея. Уже холодно и идет ранний снег – земля тихонечко натягивает на себя свое привычное покрывало, укрываясь на зиму.

По припорошенной бетонке к станции подъезжает газик, и оттуда выбирается начальник штаба:

– А-а-а, Михаил Давыдович... Уезжаете?

– Да.

– Что ж так – и не попрощаться? Хотя бы в гости пригласили, сколько ведь работали вместе, плечом к плечу, можно сказать?

– Ради бога. Город Черновцы на Украине. Улица Комсомола, два.

Можский – Яренга. Яренга – Сыктывкар. Андрей вместе с Мишкой гуляют по Сыктывкару. Андрей купил скрипку за девяносто рублей, единственную, которая была в магазине, и теперь, уже целый час, с превеликим терпением терзает три нежные струны, съезжившиеся под его смычком. Звуки из скрипки все-таки вырываются, но какие-то рваные, испуганные, словно бы скрипка отбивается от нападения и просит помощи.

– А ведь когда-то умел, учился, – говорит музыкант грустно. И вздыхает. – Надо будет ею по голове Шурку ударить, может, умнее станет?

– Наверяд ли, – смеется Мишка.

Он стоит у окна, прикрытого казенным тюлем, и смотрит вниз, на торопящихся куда-то людей и на деловые, по расписанию, и только по расписанию, едущие автобусы.

– Вот объясни мне, – спрашивает, – зачем ты остаешься?

– Я не здесь остаюсь.

– Здесь, не здесь – какая разница? Но ведь остаешься! Едешь в какую-то деревню, зачем тебе это?

– Работать.

– Подожди-подожди... Ерунда какая-то! Да гробишь ты себя, разве не понятно! Простой пример – ты поэт? Поэт?! Так кому ты будешь читать свои стихи? Разве что олень какой умный попадется... Ты не будешь там поэтом!

Андрей поставил скрипку в сторону:

– Действительно, не буду. Да, наверное, не буду... Плохой из меня, к сожалению, поэт получается... Я буду там врачом.

Вечером спустились в ресторан. Мест, как всегда, не было, но Мишка сунул пятерку, и они проскочили. Маленький зальчик, официанты в мятой униформе, шум, музыка, водка и сигаретный дым. Примерно к половине одиннадцатого все, неважно, кто когда пришёл, доходят до кондиции. За столик подсаживается девушка:

– Мальчики, не угостите?

Угостили.

– Пошли ко мне? Я тут с подругой живу, недалеко...

Мишка было радостно приподнимается, но тут Андрей спрашивает:

– Скажи, а как ты дошла до жизни такой? К мужикам в кабаках липнуть?

И горшок с недоеденным харчо летит в его голову. Потом Мишка моет Андрея в туалете, стряхивая восточный суп сзади с пиджака.

– Если б харчо доел, мог бы еще костюм поносить, а так – только химчистка... И вообще, что ты за человек? Все тебе надо обязательно испортить!

– Что, шлюха нужна? Всю жизнь мечтал? Иди, догони!

Утром поехали в аэропорт.

– Есть ли у меня счастье? – спросил доктор-моктор-санитар у автобуса.

И решил прокатиться без билета. Но его оштрафовали.

– Нет. В этом городе нет, – решил. – Поэтому я и уезжаю.

– Еще вспомнишь, – сказал Андрей, – пройдет время – вспомнишь... Я тут сочинил, пока ты храпел:

И вот, стареющий Пьеро,
Макнув дрожащее перо
В пучину собственных страданий,
Красивых мук, воспоминаний,
Распутал темы тоненькую нить
И принялся по-философски ныть,
О недопонимании плебеев...

– Говори-говори... Все никак не остановишься... А я, кажется, поехал. Уже время. Пиши! – крикнул.

Сдал чемодан, прошел контроль и сел в самолет. Стюардесса принесла мятные конфеты. Взял. Не хотел, а взял – положено, заплатил. В голову пришло неожиданное:

Самолет летит, мотор работает,
А в нем Мишка сидит, конфетки лопает!

Дома встречали с любовью – сын вернулся. Отдохнул пару дней в трехкомнатной квартире, скучно стало – и пошел работать. По профессии, конечно. Даже начальником отдела назначили: три тетки в подчинении – Орыся, Марыся и Ивонна.

Требовал с них строго: что сделали за неделю, и обязательно в письменном виде. На специализацию съездил. В любимый Ленинград на шесть месяцев – изучать эпидемиологию. Так что – все почти нормально. И как-то решил написать письмо. Своему бывшему начальству:

– Поздравляю с Новым годом! Желаю счастья, здоровья! И как у Вас дела? У меня все хорошо. Живу с родителями, ем готовое, вкусное, сплю на свежей, мягкой постели. А работаю далеко, сорок минут езды, в румынско-молдавском районе у самой границы, где половина населения не понимает по-русски. Приезжай в гости, Сидорович, отдохнешь... Места тут – сказка!

И отправил. А через месяц получил его обратно: сверху, красными чернилами было написано: «Адресат умер».

Прошло два года. В жизни ничего не изменилось. А чему меняться-то? Волосы только поредели. С намеком на дальнейшее. Теперь Мишка был уже областным специалистом и ездил с проверками. А когда попадал в разные там компании, с девушками особенно, рассказывал... так, значительно...

– Вот, был на Севере, работал в зоне... Случай был – чуть не убили, и еще был – чуть не убили, и еще...

И все говорили «ах» и требовали продолжения.

А потом все сломалось. И он уехал. Небольшая потеря для одних и слабенькое приобретение для других.

И...и...

И вот стареющий Пьеро,
Макнув дрожащее перо,
В пучину собственных страданий
Красивых мук...